

Ире Вергасовой посвящается.

Алексей Дэлль-Василевский

БЕЛАЯ СТЕНА

Драма в двух действиях

Ремейк

Первая постановка пьесы состоялась в Хабаровском краевом театре драмы, весной 1988 года, режиссёр Олег Матвеев.

Действующие лица:

Паша - Художник.

Женя - Поэт.

Миша - Музыкант.

Марина – жена Паши.

Света.

Николай – друг Светы.

ОН.

НЕКТО.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

«ДОМ».

На сцене – огромная деревенская изба. В правом углу – печь, явно находящаяся в аварийном состоянии. Вдоль задней стены – многочисленные элементы мощной и дорогостоящей музыкальной аппаратуры, центральной деталью которой является электроорган сложной конструкции, блестящая поверхность которого, создаёт особый контраст на фоне старых, трухлявых стен. Единственное окно занавешено чёрным сукном, слева – входная дверь... Слышна далёкая мелодия.

За органом, откинувшись на спинку старого деревянного кресла, сидит МИША, бессмысленно уставившись в пространство. Рядом, на полу, на беспорядочно раскиданных собачьих и лосиных шкурах, сидят ЖЕНЯ, ПАША и СВЕТА. ЖЕНЯ тупо взирает на пол, ПАША – в холст, который держит перед собой в руках, СВЕТА – в никуда.

ЖЕНЯ (вещает в потолок).

Умри, Поэт. Я помогу. Тебе не будет страшно. Ты перепутал – смерть и боль, Поэт.

Женя резко вскакивает. Смотрит перед собой.

Это был ОН. Это были его слова — не мои.

СВЕТА. О – о - ой... Мне показалось... Что подо мной, что – то горит...

ЖЕНЯ /несколько раз закрывает и открывает глаза, протирает их, щурится/.
Ну и как?

СВЕТА. Как в крематории. Сгорела. /Смотрит себе на руку. /

МИША. Как бы нам не замёрзнуть... В крематории... /С трудом обретает во взгляде смысл, смотрит на печь, потом на дверь. /

/Пауза. /

СВЕТА. Чаю, что – ли... Изготовили бы... С вареньем.

МИША. Дров больше нет.

ЖЕНЯ. Всем задание, пионеры. Миша – косить дубы. Киса – марш в лес за клюквой.

СВЕТА */с громадным трудом встаёт, одной рукой держится за поясницу, другой опирается на колонку, сильно раскачивается. / Ой – ой... Как в тренажёре.*

ЖЕНЯ */смотрит себе на руку, то приближает, то удаляет её, постоянно щурится/*. А ты знаешь, что это такое?

СВЕТА. Ты что же меня, совсем за дуру, ой... Кручусь вместе с полом.

ЖЕНЯ. А когда нам включают свет,
то увидим мы рассвет,
где никто не скажет «нет».

СВЕТА. Помолчи. */Плюхается обратно на свою шкуру, едва не свалив колонку. /*

МИША */медленно поворачивает голову и смотрит на Свету /*. Осторожней. Посиди лучше.

ЖЕНЯ. Да, киса. Не дёргайся пока.

СВЕТА. Я хочу клюквы. Сам же сказал.

ЖЕНЯ */с трудом, потом легче и легче, начинает хохотать/*. Нет, должен же быть какой - нибудь предел! Сейчас зима, киса.

СВЕТА. Ка–а-а-шмар! Почему же так жарко?

ЖЕНЯ. Тебе показалось. */Оглядывается. /* Что-то нас слишком мало.

СВЕТА. А кого тебе ещё нужно? Может, эту рухлядь?

МИША. Массовости нет.

ЖЕНЯ. Во-во! */Кивает Свете, показывает на Пашу./* Ты думай, что говоришь. */Толкает Пашу. /* Эй. Э-эй. Ты живой?

ПАША */устало прикрыв глаза /*. Чего тебе?

ЖЕНЯ. Живой... Слава Богу. Надежда ты наша.

ПАША. Умру последней? Спасибо. Меня это вдохновляет.

СВЕТА. Зима? Значит, надо утепляться... */Сгребает на себя все шкуры./* Кого там послали за дровами?

МИША */задумчиво делает несколько проигрышей на органе/*. Послали. Меня...

СВЕТА. Есть ещё за печкой.

ЖЕНЯ. Вот как-нибудь и сгорим. Она дырявая с торца.

СВЕТА */хохочет/*. Ой, не могу! Совсем окрестянился. «Го-рец»! Колёк нас спасёт.

ЖЕНЯ. Н-да. Он-то, по-моему, думает, что он вовсе не «Колёк», а Николай... Как его по бабушке?

СВЕТА. Не знаю, отстань. */Собирает на себя все шкуры./*

ЖЕНЯ. Николай Батькович. Человек нервного сосредоточения.

СВЕТА. Вот ему и скажи.

ЖЕНЯ. Зачем? Все эти споры, разговоры. Выяснения... Зачем всё это, киса? Вы все создаёте себе дополнительные сложности.

СВЕТА. В споре что-то там рождается.

ЖЕНЯ.

Да ни хрена. Суета сует.

МИША */Жене/*. Хватит, а? Сам же начинаешь декламировать, когда, бывает, “разговеешься”.

СВЕТА */выставляет из-под шкур руку с сигаретой/*. Мишель! Дай огоньку бедной женщине.

/МИША с трудом слезает со своего кресла, подходит к печи, садится перед ней./

ЖЕНЯ */заглядывает в холст*). Пашутка! Как наша лошадка?

ПАША. Она, похоже... Скоро издохнет.

ЖЕНЯ. Фу! Хоть ты не впадай в эту жарговщину! Киса! Это Николай Христофорович занёс к нам в избушку заразу сквернословия.

СВЕТА. Он вовсе не Христофорович. Мишель! Я жду.

МИША. Всё потухло, Светик.

/Все взоры устремляются на МИШУ, который короткой кочергой разгребает угли. Пауза./

ЖЕНЯ. Ага, и взгляды, и дрова. */Возвращается к Паше./* Паша. Па-ша. Лошадка не должна умереть. */Смотрит на холст./* Я лично не вижу никаких симптомов. Вон она... Как резво скачет... Навстречу нашему успеху. И... Освобождению...

/МИША усмехается. ЖЕНЯ, как бы и ожидая такой реакции, тут же на него оглядывается./

СВЕТА. Я дождусь сегодня, а?

ЖЕНЯ. Дождёшься. */Паше./* Ну, что ты молчишь?

ПАША. Я не знаю, что ты от меня хочешь.

ЖЕНЯ. Как чего? Заверений. Успокой же меня, чёрт возьми. Ятак люблю наблюдать, когда ты вдохновенно работаешь.

МИША. Этак все любят наблюдать.

ПАША. С какой стати?

МИША */выгребает из самой глубины печи уголёк и подносит его Свете/*. Тебе повезло.

СВЕТА */прикуривает/*. Мерси. Я буду благодарна тебе за это всю жизнь. */Многозначительно смотрит на Мишу, тот подчёркнуто этого не замечает./* Он! */Толкает в спину Женю, тот с недовольным видом оборачивается./* Единственный мужчина в этом гадюшнике.

ЖЕНЯ. Кто?

СВЕТА. Мишель!

ЖЕНЯ. Кто бы сомневался. */Паше./* То есть как это «с какой стати»? Мы же все здесь.

МИША. Все?

ЖЕНЯ. Конечно! В этом заинтересованы. */Паше./* Ты приложи... как это... Я где-то читал. Максимум усилий. Призови резервы. Есть они у тебя?

ПАША */открывает и закрывает глаза/*. Нет их у меня.

ЖЕНЯ. Это плохо!

СВЕТА. Всё! Мишель!

/МИША оборачивается./

Я ухажу ото всех - к тебе. Ты рад?

МИША */продолжает разгребать угли/*. Безумно. Приходи завтра.

ЖЕНЯ */Паше/*. Ты меня успокой. Могу я попросить? Ради нашей дружбы.

ПАША. Чего?

ЖЕНЯ. Расскажи о своих творческих планах.

ПАША. Если на него. */Кивает на холст./* будут наседать ещё сильнее, то он... Рухнет раньше времени. Не достигнув финишной.... Кривой.

СВЕТА

Холку набьёт.

ЖЕНЯ. Ну, хорошо! Наседать не будем. Пока. Кстати, у нас вынужденный перерыв, так что - отдохни. Погуляй. И скажи мне, зануде этакой, - «посмотрим».

ПАША */горько усмехается/*. Посмотрим.

ЖЕНЯ. Вот, и слава богу. Лошадка должна жить! */Встаёт./* И скакать! Как прежде, Паша. А то я устал на этом празднике жизни, кончай скорей.

СВЕТА. Точно! Но не очень.

МИША (Паше). Ну, это ты врешь.

СВЕТА. Врёт, врёт! Ему здесь хорошо. Ему здесь «нищ-тяк».

ЖЕНЯ. Началось. */Свете./* А тебе?

Прощальный крик, на низкой ноте должен быть, как в сексе, так в любви, и смерти.

СВЕТА */нахлобучивает на себя ещё одну шкуру./* Отстань!

ЖЕНЯ */Мише./* А у тебя, Мишель, как всегда, начинается внутренняя борьба. Раздвоение личности: одна хочет отсюда сдёрнуть, другая - не хочет. Обстановка прямо как в нашем дамском дуэте. Максимум противоречий.

/Пауза./

МИША */Паше./* Паш, дай бумажку какую - нибудь.

/ПАША, ещё раз взглянув на холст, с трудом рвёт его о колено и кидает МИШЕ, тот собирается кинуть его в печь, но ЖЕНЯ проделывает отчаянный и неуклюжий выпад, выхватывает его из рук МИШИ./

ЖЕНЯ. Вы... Вы с ума сошли! Ради чего же мы... Ну, хорошо! Ради чего вы здесь тогда торчите?

МИША */Паше./* Может, не надо?

ПАША. Кидай. Этот конь не поскакал. Упал на основном препятствии. Пусть сгорит...

СВЕТА */сотрясается от хохота, с неё сползают шкуры./* Ой, не могу! Нет, вы видели, как он роскошно прыгнул? Как пума! То есть... */Внезапно перестаёт хохотать./* Пум... О, господи. По мне кто-то ходит.

МИША */забирает холст из рук Жени./* Это остаточное явление, Светик.

СВЕТА. Да я говорю тебе! А! */Шёпотом./* Это... Крыса! */В истерике сдирает с себя шкуру./*

/МИША рвёт на тряпки холст и кидает всё это в печь. Показывается робкое пламя./

ЖЕНЯ */Мише./* А... Почему ты не растопил печь... Своей музыкой?

МИША. Для того, чтобы музыкой можно было растопить печь... Это должна быть...

ЖЕНЯ. Слова. Слова!

МИША. Могу. Прямо сейчас. Только, может... Сначала послушаем?

ЖЕНЯ.

Валяй.

Моё сердце разбито на части, и теперь его хватит на всех.

/ЖЕНЯ машет рукой и уходит за печь. СВЕТА сдёргивает с себя все шкуры и часть одежды и застывает в оцепенении./

ЖЕНЯ */поднимает чёрное сукно с осонной рамы - там темнота/*. Можете жечь, палить, рвать... Если вам так легче освободиться... Может, я чего-то не понимаю, но это... Не выход.

СВЕТА. */показывает на шкуры/*. Она там!

ПАША */закрывает глаза/*. Кто?

СВЕТА. Крыса!

МИША. Я же тебе говорю, Светик. Остаточное явление. Крыса здесь одна, и та в командировке. */Многозначительно смотрит на дверь, Жене./* Сделай что -нибудь!

/ЖЕНЯ, немного подумав, подходит к шкурам, выбивает на них "псевдостен", но его сильно шатает./

ЖЕНЯ. Всё! Нет твоей крысы.

СВЕТА */съёживается, прижимает кулаки к подбородку, отступает от надвигающегося Жени/*. Как же... Она... Умерла?!

/ЖЕНЯ хватает её в объятия, та начинает истерично биться./

Ты убил её! Убийца! Она же живая!!! Она... Умерла?! */В ужасе смотрит на шкуры./*

МИША */задумчиво смотрит на огонь/*. Состояние абстиненции.

/ЖЕНЯ валит Свету на пол, прижимает её, та пытается вырваться./

ЖЕНЯ. Помогите кто -нибудь!

ПАША */равнодушно наблюдает за Светой/*. А где Маринка?

СВЕТА */бьётся в истерике/*. Он раздавил её! Он плясал на ней своими дурацкими ногами!

ПАША */Жене/*. Кого ты раздавил?

МИША. Паша. Па-ша.

ПАША. А?

МИША. Твоя жена спит, по-моему. В “отстойнике”.

ПАША. Она там не замёрзнет?

/Свету перестает колотить, она сидит на икурах и тихо всхлипывает./

ЖЕНЯ */переводит дыхание/*. Не замёрзнет. На ней дублёнка. И, кроме того, греется ожиданием.

МИША */оборачивается к Жене и долго на него смотрит/*. Ну, зачем так?

ЖЕНЯ */встаёт и отряхивается/*. А зачем - ты? Обязательно надо было носом ткнуть в дерьмо. Смотри! У нас с тобой по атомной бомбе, и мы многократно уничтожим друг друга.

МИША. В тратиловом эквиваленте?

ЖЕНЯ. У тебя – звук, у меня - слово!

ПАША. Странно.

ЖЕНЯ. Что странно, что?

ПАША. Что она до сих пор не проснулась. После музыки и стихов.

ЖЕНЯ. Ирония?

ПАША. Да ты с ума сошёл. Пойду посмотрю.

МАРИНА. Сиди!

/Все, кроме Светы, оборачиваются и видят в проходе следующей комнаты Марину./

ЖЕНЯ. Жива и здорова. А ты боялась... «и юбка даже не помялась».

МАРИНА */Жене/*. Это не твоё дело! Какие там ожидания меня греют. Бредишь с утра на всю избу.

ЖЕНЯ. С утра?

МАРИНА. Да какая разница? С вечера. */Подходит к зеркалу, красит губы, входная дверь медленно, со скрипом, открывается, Марина в оцепенении за этим наблюдает./* О, господи... */Хватается за сердце, открывает дверь, выглядывает./* Можно сделать так, чтобы дверь всё время не открывалась? Существа с мужскими признаками.

ЖЕНЯ */подходит, тупо смотрит на дверь, закрывает её/*. Крючечек?

МАРИНА. Да хоть... Хреном заткни.

МИША *(Жене, сквозь хохот)*. А что, попробуй.

ЖЕНЯ. Ремонт надо начинать с печи! */Многозначительно показывает на Мишу./* Если вас не пугает сама революционность этого слова – «ремонт». */*

МАРИНА */замахивается/*. Убила бы.

ЖЕНЯ. Возьми у Мишеля кочергу и врежь...

МАРИНА. Когда – нибудь дождёшься.

МИША. Марина, а Марина.

МАРИНА. Чего?

МИША. Так ты не спала?

МАРИНА. Нет. */Подходит к Свете./* И довольно отчётливо слышала, как эта драная кошка назвала меня рухлядью.

СВЕТА. Ой... Извините...Мне...Так неловко... */Зарывается в шкуры./*

МИША. Ты слышала?

МАРИНА. Ты... О музыке?

МИША. Да, о ней.

МАРИНА.

Кажется, понравилось. Но если бы её надо было вспомнить, то я бы не смогла. Понимаешь?

МИША. Пытаюсь. Ну... А если послушаешь ещё раз? Прямо сейчас?

МАРИНА. Ну... Я не знаю... Давай попробуем.

/МИША встаёт, кидает кочергу на пол, подходит к аппарату, включает. Звучит органная музыка./

ЖЕНЯ. Что – то не слышно моей помпезной речи.

МИША. ????

ЖЕНЯ. Мог бы хоть раз и меня записать!

МИША */приглушает звук./* Предупреди, я запишу. В следующий раз.

ЖЕНЯ. Если он будет.

МИША */раздражённо/*. Чего?

МАРИНА */Жене/*. Тихо ты!

СВЕТА */широко открытыми глазами смотрит на стоящую рядом с ней колонку/*. Выключи... Выключите... */Хватается за голову/* Выключите же её!!!

/МИША спешно выключает аппарат. Пауза./

МАРИНА. Что, девочка, не здоровится?

СВЕТА */сквозь зубы/*. Отвяжиссь...

ЖЕНЯ */успокаивающе/*. Состояние. «Сон разума рождает чудовищ».

МАРИНА */Свете/*. Охрана появилась? В виде полуалкоголика.

МИША. Марина, ты мне так ничего и не сказала.

/МАРИНА сама включает аппарат, неожиданно на фоне органной музыки возникает её собственный голос: «Я помогу тебе... Я спасу тебя... Только скажи мне ещё раз... Что любишь меня... Что всё это не зря... Что это не пройдёт... Что это не кончится никогда...». МАРИНА под хохот Светы нажимает на все кнопки подряд. Звук усиливается./

МАРИНА /с ненавистью оглядывает Пашу, который при её словах как бы ожил/. Не смей... Не смей больше...

МИША. Прости... Это само... Как-то записалось.

МАРИНА. Врешь.

МИША. Но я хотел...

МАРИНА. Я знаю, что ты хотел.

МИША. Но музыка?

МАРИНА. А что я могу сказать?! Я в этом ничего не понимаю. Здесь ещё два гения, вот у них и спрашивай.

СВЕТА /всё ещё смеётся/. Это... Слишком специально!

/МАРИНА оценивающе смотрит на Свету. ЖЕНЯ подходит к Мише./

ЖЕНЯ. Не надо паниковать. Надо пробовать.

МИША. Она права. /Больше себе./ В одном состоянии воспринимается, в другом – нет.

ЖЕНЯ. Ну, мне это было ясно с самого начала.

МИША /себе/. Но музыка... её либо можно слышать, либо нет... Потому что, если ты не слышишь её – то это уже не музыка.

ЖЕНЯ

И чем музыка отличается от звуков?

МИША

Ничем, кроме одного. Если я слышу музыку, то внутри меня как будто походит ток... И наворачиваются слёзы.

ЖЕНЯ

Что-то я не видел тебя здесь рыдающим.

МИША

Потому что музыки – не было.

ЖЕНЯ

Так что в начале было? Может, слово?

МАРИНА

Только не твоё.

МИША

Музыка. Вначале была она.

ЖЕНЯ

Ладно, иду на компромисс: сойдёмся на звуке.

ПАША

Вначале было имя...

ЖЕНЯ

Чьё?

ПАША

Наверное, Бога.

ЖЕНЯ. Ну, конечно. Вне «нирваны», мы все как будто-бы... Глухие. Но для тебя – поясню: об этом говорится в третьей главе второй книги под названием “Исход”. Овечий пастух под именем Моисей спросил у Бога, как его зовут, и ОН ответил “Я есмь сущий”. Сложился словарь имён собственных, которые Василид (по свидетельству Иринея), собрал одно единственное – правильное имя.

СВЕТА

Ну, ну?

ЖЕНЯ

Ты о чём?

СВЕТА

Скажи его.

ЖЕНЯ

А на хрена тебе?

СВЕТА

Я немедленно обращаюсь к нему с различными претензиями.

ЖЕНЯ

Например?

СВЕТА

Ну, ты ж не Бог.

ЖЕНЯ.

Ну, в некотором смысле пастух, хоть и не тяну на полнокровеного еврея.

СВЕТА.

Не ссы, поэт, сведения будут оплачены.

(Делает характерный жест.)

Пауза.

ЖЕНЯ

Ну, тогда, держись за “пояс”: его имя...

СВЕТА

Ну, ну?

ЖЕНЯ

Ну, когда от... дашь?

СВЕТА

Да хоть щас. Ну, говори.

(Демонстративно начинает раздеваться.)

ЖЕНЯ.

Держись за блайзер, детка. Его зовут:

КАУЛАКАЛУ.

СВЕТА

Как?!

КАУ...

ЖЕНЯ

...ЛАКАЛУ. бл(ПИСК)ядь!

СВЕТА

Кто, я?!

ЖЕНЯ

Да не в этом смысле. Дура.

СВЕТА

Что?! (*Моментально одевается обратно, накидывает поверх всего этого какое-то тряпьё.*) Отвали, владей мозолистой рукой, сволочь. Придумал хрень какую-то. Какой-то КАЛ. Вот увидишь, ОН тебя накажет.
А! Точно. Его зовут ОН!!!

ЖЕНЯ

Остановись, детка, так зовут не... Да, кстати, вы не заметили? Когда мы говорим о НЁМ, мы просто говорим ОН. Выходит, ОН...

МИША.

Если ОН – это ОН, то только наш.

(*Внезапно вскакивает.*)

Я понял!

Не надо записывать музыку, вот что! Ни нот, ни звуков! Надо просто запомнить те ощущения, ту фантазмагорию – и её восприятие!

МАРИНА.

Да, оказываться, всё очень просто.

ЖЕНЯ.

Вот и я говорю.

МИША.

Надо сыграть, а потом написать всё заново. Но я ни черта не могу вспомнить!

ЖЕНЯ */заходит на печку/*. Ого! Кто-то постарался. А может, и я.

МИША */оборачивается к Марине, та смотрит на него, как на ненормального/*. Нет. Если я что-то усугубляю, то должно усиливаться и впечатление от музыки.

ЖЕНЯ */вываливает дрова рядом с Мишей/*. Впечатление... Это у нас завист от качества, сами знаете чего... Того, что привезёт нам ОН. Давай, открывай поддувало.

МИША */внимательно смотрит в глаза Жене/*. Ах, да. Поддувало.

ЖЕНЯ */трогает Мишу за лицо/*. Э. Эй. Паника? Только не ты. Светка правильно сказала - это специально. Пусть это будет специализированная музыка. Для узкого круга, «страшно далёкого от народа», да и хрен с ним, с народом, у нас — миссия! Нам надо хоть немного пожить перед...

Пауза

МИША.

Ну, ну?

ЖЕНЯ.
Смертью.

СВЕТА.
Если встреча состоится, я умру счастливой.
Уж лучше, чем состариться, и серить под себя.

ЖЕНЯ (*осматривает Свету, задумчиво переводит взгляд на огонь в печи*). Н-да. Я б сжёг напалмом этих баб: и Кортни Лав, и Ёку ону.

ПАША (*с горькой усмешкой*). Смотри, накаркаешь, поэт.

ЖЕНЯ.
А что, чем не символ? Новый гаджет: свежая струя огня, так сказать, инквизиция в идеале. “Аутодафэ двадцать один”.

СВЕТА (*Мише*). О чём это он?

МИША. А хрен его знает.

ЖЕНЯ (*во всеуслышанье*). О пашкином крылатом коне вдохновения! В простонародии – Пе – га - се!

/Оглядывается на Пашу, тот смотрит перед собой ничего не выражающими глазами./

МАРИНА */подсаживается к Паше, слегка подталкивает его. Плотнее запахивается в дублёнку/*. Да, кстати, друг ситный. Как твои успехи?

ПАША. Никак.

МИША. Не трогай ты его, Марина.

МАРИНА. Это почему? Что же это мне у собственного супруга спросить нельзя, чем он занимается?

ПАША. Я же говорю тебе - никак.

МАРИНА. Совсем ничего не нарисовал, что ли?

СВЕТА. Он нарисовал... И сжёг! */Рассматривает свои волосы./*

МАРИНА. Сжёг? Вот это да.

ЖЕНЯ. Маринусик, от лица творческой интеллигенции прошу тебя нашего художника не третировать.

МАРИНА. Ах, вот оно что.

ЖЕНЯ. Да. Ему нужно передохнуть.

МАРИНА. Значит, ваш законопаченный барак задумал передых.

СВЕТА. Наш? А ты тогда с какого боку? «Невеста честная, йо»

ЖЕНЯ. Вынужденный, Марина. Иссяк допинг.

СВЕТА. Мишель! Прости меня.

МИША /оборачивается и долго смотрит на Свету, усмехается/. Состояние раскаяния.

ЖЕНЯ. Нехорошо! Человек у тебя прощения просит, а ты его обижаешь.

МАРИНА. Он её обидел?!

ЖЕНЯ. Разве не обидно человеку, даже если он - женщина, слышать, что его сущность может определиться таким простым словом, как состояние?

МАРИНА /Паше/. Благоверный! Ты не помнишь, много намело по дороге в туалет?

ЖЕНЯ / Мише/. Или это - комплимент их сущности? Чем проще, тем лучше?

МИША /Жене/. Пусть будет так. Чем проще - тем лучше. Во всяком случае, нам – понятней.

ПАША /Марине/. Немного.

Пауза.

Намело.

МАРИНА. Всё равно, давай валенки.

ЖЕНЯ /Мише/. Слишком просто! Этак они не очень способствуют творческому процессу, процветающему в этих стенах. Если одна – называется просто состоянием абстиненции, другая – просто остаточным явлением. Потом, правда, обе превратятся в два состояния тревоги, потом в два состояния

восторга. Потом – опять то же самое. Спираль! Но того, что от них требуется, или того, что делает их похожими на людей – любви – у них нет! На кой чёрт они нужны?

СВЕТА. Эй, вы о чём?

ЖЕНЯ. О своём, киса. О женском.

СВЕТА. Наглая ложь!

ЖЕНЯ. Чего?

СВЕТА. У меня всё время... Состояние любви...

ЖЕНЯ. Киса, хватит придуряться. Ты же взрослая девочка, должна понимать, что это – состояние кошки. Но преимущество у настоящих кошек в том, что оно у них строго регламентировано, март, апрель, май, ну, может быть июнь, - и всё. Потом – спокойная жизнь.

СВЕТА. Враньё. У кошек тоже всё по гороскопу. Я читала.

ЖЕНЯ.

Но ты же – рыба?

СВЕТА. Прекрасно. Значит, я сама себя... съем. (*Эффектно вгрызается себе в руку.*)

ЖЕНЯ. Паша! Лови натуру, - практически Дали - “Осенний каннибализм”.

ПАША. Есть ещё одно название: “Предчувствие гражданской войны”.

МИША /показывает через спину кочергой на натягивающую валенки Марину./
А она?

ЖЕНЯ. И это не сложно. Нормальное женское стремление сорваться от непонятого и ненадёжного к понятному и надёжному. В нашем случае расклад ясен: он был таковым всегда, и, как правило, в истории остаётся тот, кого нанимают: за исключением, может быть, только гладиаторских боёв: Спартак был вначале мобилизован, если мне память не изменяет.

МИША.

Нет, ты что-то хотел толкнуть про женщин.

ЖЕНЯ

Как вид, как пол, или как...

МИША

Ваще.

ЖЕНЯ.

Хотя рассуждать не эту тему – глупо, да и опасно, - могут сглазить, но вкратце, что я понял у дружищи Зигмунда, тем паче, что он сажал своих пациентов на кокс, причем бесплатно, что выхывает уважение, и кокс, я думаю, был приличный, а не то, что перевозится в Эр Эф: женщина жаждет опереться на что – то очень коренастое, кривоногое и надёжное, в татуировках с розами и черепами, а вдохновение – прозрачно, как воздух.

МИША. ОН - понятен и надёжен. К тому ж знает толк в лошадях и кайфе. Да и зовём мы его, не совсем, как человека: это всё равно, что всех назвать либо лошадьми, либо русскими, и пронумеровать.

ЖЕНЯ.

Ну и что, у меня был какой-то черно(ПИСК)жопистый режиссёр, по-моему, сириец, или египтянин, но, по моему – наш, советский азербот, так вот, требовал, чтобы его все звали - “финикиец”. И снял какой-то фильм, - про русских, кстати.

МИША.

Как фильм?

ЖЕНЯ.

Говно.

МИША.

Но имя-то у него было?

У финикийца твоего?

ЖЕНЯ

Имя было, но я его не помню.

ЖЕНЯ

Вот видишь.

ЖЕНЯ. А ты – вовсе не Иоанн, и вовсе уж не Богослов, хоть и глючит тебя, - в музыке, почти, как его – на ниве проникновения. Бояться надо долгов. А мы все должники того, кого мы все зовём ОН.

СВЕТА

А что? Просто – ОН. Но не... Клауаку же.

МИША. У меня есть аппаратура. */Кивает на орган./*

ЖЕНЯ. Это тебе только кажется.

МИША. То есть как?

МАРИНА */стоит под дверью, прислушивается/*. Тихо вы!

/Пауза./

ПАША */подходит к Марине/*. Идёт кто – nibудь?

МАРИНА */отталкивает Пашу/*. Свали. Передохни. Тебе скоро надо будет поработать.

/Паша пожимает плечами и садится рядом со Светой./

ЖЕНЯ. Что там? Шаги?

МИША. Просто дверь скрипнула.

МАРИНА. Снег скрипел, а не дверь! Глухой музыкант. Кто это может быть? ОН? Или этот... */Смотрит на Свету./* Твой друг.

СВЕТА. А кто тебе корм носит, девочка Элли? Волшебник Гудвин?!

ЖЕНЯ. Волшебник Гудвин носит кое-что другое, а твой Николай – человек с конкретным, русским именем — Железный Дровосек. Убивает своим беспредельным наличием.

СВЕТА. Это как, Эфгений?

ЖЕНЯ. Да то, что он – везде.

МАРИНА. Это точно. Перебилась бы без хавки. Только бы не видеть эту рожу.

ЖЕНЯ */подходит к окну и задирает тёмное сукно, видит ночь/*. Интересно, какие сутки? */Смотрит на руку – часов нет./* Режим бытия.

МИША */подходит к Жене, видимо, забыв, что в руке у него кочерга/*. Слушай, я не понял. Музыка уже не моя?

ЖЕНЯ. Музыка – твоя, а вот на чём она играется – не очень. «После переговоров» – как выразился Дон Гуан Лауре. */Прислушивается, Марине./* Тише! траурный марш. В ночном лесу кого-то хоронят... Где-то жизнь и

работа...

МАРИНА. Я же слышала шаги. А если... Ни тот, ни другой. Что скажем?

МИША /*Марине с оттенком раздражения*/. Живём мы тут! /*Жене*./ Давай, глаголь. Что за махинации. Ты же понимаешь, что это для меня значит.

ЖЕНЯ. Махинация - это когда без тебя. А здесь - ты сам.

МИША. Что значит «сам»?

ЖЕНЯ. В последний раз расплачивался ты один. В залог пошло всё твоё богатство. Теперь остались у тебя только «года». Года, года (*Выхватывает блокнот, немедленно записывает.*) «А лет, - с избытком». Что-то от Тертиуллиана. А у нас, - в точности до наоборот. (*Опять записывает.*) Так-то вот.

МАРИНА (*подходит к Жене*). Можно почитать?

ЖЕНЯ. Ого, взлетел мой утлый рейтинг.

Марина берёт блокнот и выбрасывает его в печь.

ЖЕНЯ

(*С тоской в голосе*).

Ну вот, знамение, скоро отправлюсь вслед за Николаем Васильевичем — на дурку.

МИША.

Гоголь был на дурке?

ЖЕНЯ.

Да нет, просто на него нахлобучили дурацкий колпак в «кукольном доме». Он спалил второй том «Мёртвых душ», а я, как видно — первый.

МИША. Да ты оптимист, думаешь, что жизнь — не кончна.

ЖЕНЯ

Да я ваче ни хрена не думаю, мне всё по...

МАРИНА. Ты, как Порфирий из Достоевского — «человек конченный», хоть, вроде, и не мент.

МИША. Всё, это конец. День «чистого аутодафе». Музыка продана, картина сожжена, поэзия — так и не состоялась, хоть и сгорела, и души наши...

/Слышен топот на крыльце, по - видимому, кто-то стряхивает снег. МАРИНА осторожно приоткрывает дверь, и выражение трепетного ожидания меняется на откровенную неприязнь./

ЖЕНЯ */глядя на Марину/*. Нет, это не ОН. Это – гораздо хуже.

/Входит НИКОЛАЙ, все молча на него смотрят./

НИКОЛАЙ. Ну... как? Проголодались?

/Пауза./

МАРИНА. Пройти – то можно?

НИКОЛАЙ. Куда?

МАРИНА. В дверь! */Протискивается мимо Николая в дверь./*

НИКОЛАЙ. Куда это она?

/Пауза./

ЖЕНЯ. Н-да. */Мише./* Так о чём я?

МИША.

Что-то здесь пахло падалью.

ЖЕНЯ.

Кефир хреновый. Разлагаемся на атомы.

МИША.

Твои уста глаголят истину, debil. */Устраивается перед печью./*

ЖЕНЯ. Жёстко. */Подходит к Николаю и заглядывает в сумку/. О! И пресса. /Читает./ «Коммерсантъ». /Вынимает булку./ Спасибо, дружище. /Отходит, садится на шкуру, углубляется в чтение, время от времени откусывает./* Господа! Заканчивайте распри, революции не будет - при прежнем правительстве зимуем.

НИКОЛАЙ. Там и про вас есть.

ЖЕНЯ. Про нас? Что именно?

НИКОЛАЙ. Ясно же.

ЖЕНЯ

Да ну. В Китае расстреляли бизнесменов, торгующих каким-то молоком... Ага, с меламином.

Или... «Дело жизни»? Так это про инвалидов, их творчество.

НИКОЛАЙ

Но у вас же здесь тоже – вроде как творчество.

ЖЕНЯ

Ну, дружище, мы ж ещё пока не инвалиды.

МИША

А по мне – так в самый раз.

ЖЕНЯ

Да, но это настолько тонкое попадание, что почтальон даже не позвонил “дважды”.

Мы хоть не вполне здоровы, но это от жизни. Есть такая жёлтая газетка, - «ЖИЗНЬ». *(Извлекает огрызок карандаша, немедленно что-то записывает, прямо на газете.)*

НИКОЛАЙ */торжественно усмехается/*. Не-ет, дальше. Дальше там, смотри.

/С трудом преодолевает земное притяжение СВЕТА, оборачивается собачьей шкурой, подходит к Николаю и бесцеремонно вытаскивает у него из сумки пачку чая и банку консервов./

СВЕТА */читает/*. «Кити – кэт». Ты что принёс, сволочь?

ЖЕНЯ */заканчивает писать, Мише/*. Ожила кошечка! А у этого парня, оказывается, присутствует весьма своеобразный, но всё же юмор.

СВЕТА *(Николаю)*. Если ты, сволочь, в другой раз не приведёшь к этому корму натурального кота, то ты, считай, уволен. */Вынимает из сумки бутылку йогурта./* Паша, твой любимый. Клубничный.

ПАША */принимает бутылку/*. Спасибо.

ЖЕНЯ *(читает)*. А, вот вы на что намекаете, молодой человек! «Белая стена». Это не про нас.

НИКОЛАЙ. Про вас, всё то же самое.

ЖЕНЯ */Мише/*. Нет! У нас - идея! Мы боремся за идею!

МИША. Что?!

ЖЕНЯ. У нас – цель!

МИША. Да, да. У нас уже ничего нет, кроме идеи и цели.

ЖЕНЯ. Хрень всё это. *(Изображает процесс инъекции.)*

Стимуляторы для нас средство, а не цель. Всё остальное – материально, значит – низко. Если ты имеешь в виду... Дело! Прямо – таки магия исходит от этого слова – дело. Так я лично не считал, что занимаюсь делом! Даже когда мои вирши печатали в журналах. */Поднимает газету над головой./* Что до «Сети», то я считаю — это всё равно, что эстетизировать, скажем, телефон. Опять же. Я всегда думал, дело – это что-то другое. Оно прошло мимо. Прошагало, как гей парад по Тверской Ямской.

СВЕТА

Точно, это – про вас.

ЖЕНЯ

Ну, уж нет.

СВЕТА

Хорошо, вы всё равно – педики, только – эти, как её... латентные!

ЖЕНЯ. Столько хомяки не живут, сколько я за тобой ухаживаю, стерва.

МИША. И жизнь. У нас латентная.

ЖЕНЯ. Жизнь – не совсем, а вот де-я-тель-ность! Эти блатные слова – «вира» – «майна». То, что у нас принято считать, как критерий всякой деятельности. Это – да-а-а. Кажется, это ушло в небытие. Этому постоянно надо было учиться, а потом стараться не забыть – не получилось! Что же делать.

МИША. Меня когда-то кормила только моя музыка.

ЖЕНЯ. Фу, старик! «Как вы могли, спуститься с горных пастбищ...»

МИША */перебивает/*. А Пашку – его картины. Это – материально. И не значит – низко. Это было ощутимо – значит, мы занимались делом. Кому-то это было надо.

ЖЕНЯ. Так возрадуйся! Сейчас это нужно одному конкретному... ЕМУ.

МИША */пристально смотрит на Женю/*. А тебе... Не страшно?

ЖЕНЯ. Да брось ты, пожалуйста! В том, что мы сейчас занимаемся любимым... /Смеётся./ Делом! А что? В ЕГО пользу, вина только наша. Идея была добровольная. И вообще, всё на свете делается в чью-то пользу – откуда же такая ностальгия по свободе? И вообще, что такое свобода?

МИША. Это... То, без чего нельзя. Человек рождается свободным.

ЖЕНЯ. Ах, вот оно что. Может, и рождается, но редко пребывает. Давит, видишь ли, любое госудаство, и не важно как там – вольно и невольно голосуют, - выбирают-то сатрапов, как говорил какому-то ребёнку дауна старик Платон. Всё давно извесно, и предписано, - будет время, надо у НЕГО спросить.

МИША. Да, всё как будто верно. Если всё время заставляя себя забывать о долгах.

ЖЕНЯ /входит в раж/. А если нам конкретный заказчик даёт ясно понять, что от нас требуется, то мы уж и в амбицию. Боги создают нам злоключения, чтобы будущим поколениям было о чём петь! Если уж ты столь религиозен, что заговорил о свободе.

В Писании сказано: раскаялся Иегова, что ОН сотворил человека, и омрачилось его сердце. И в другом месте: потому, что говорю я, БОГ Иегова, ревнитель. И ещё в одном: “И говорил Я, воспламенившись.”

При слове “воспламенившись” все вздрагивают, и смотрят на огонь в печи.

СВЕТА.

Ну вот, а говорил – Клаоа...

ЖЕНЯ

Это у кого – как.

Потомки рассудят!

СВЕТА /смеётся./ Ой, не могу! Потомки.

ЖЕНЯ

А что?

СВЕТА. А то.

ЖЕНЯ (продолжает). И не попадись Пашин конь кому-то на глаза в своё время...

МИША. Не трогай ты пашиного коня...

ЖЕНЯ. Почему? */Оглядывается на Пашу, тот сидит, безразлично слушая их разговор./* Не попадись он тогда, бравурно скачущий, на глаза ЕМУ, никто не знает, где б мы были все, или каждый из нас – по одиночке. “Любая догма – есть реакция”, - как заявил Габриэль Гарсия, и был прав.

МИША. Ну, хорошо. */Делает несколько проигрышей на органе, всматривается в многоярусную клавиатуру, проигрывает ещё раз, оглядывается на Свету, та показывает язык./* А сейчас? Ценителя ты, будем прямо говорить...

ЖЕНЯ. Любишь ты прямо говорить.

МИША. Люблю. Обманываешь!

ЖЕНЯ */с готовностью/*. ЕГО обмануть невозможно, друзья мои, вы же знаете, так же, как и выдержать ЕГО взгляд, здесь, думаю, все со мною согласятся. Таковую комбинацию ОН предполагал с самого начала – все друг друга должны гармонично дополнять. Один кадр явно только не вписывается, но он это Светику простил.

НИКОЛАЙ */снимает куртку/*. Это ты обо мне, что ли?

ЖЕНЯ. Ну что ты, Николай! Без тебя бы мы пропали. Я о «деле жизни». */Мише./* И пусть малую пользу, но приношу. Я вот недавно подумал, – неплохо было бы нам, людям творческим, во время приступов вдохновения не просто оседать на холодный пол и простужать зады, намекнул ему на матрасец. А он приволок тигровых и леопардовых шкур. И наша киса теперь рисуется мне, шамаханскою царицей. С тебя дозняк, девочка! Я тебя воспел.

СВЕТА. Ни хрена — я не просила. *(Внезапно срывается в истерику.)* Чего вам, ваще, всем от меня надо?!

ЖЕНЯ. Началось.

СВЕТА. А чего Пашка всё время молчит?

ЖЕНЯ. А что ему делать?

СВЕТА. Пусть рисует!!!

ПАША. Пора кончать, по-моему.

НИКОЛАЙ

Так валяй, сделай, выдай то, чего этот ваш барыга просит, и жируйте – где

хотите. Вы ж говорили, что он, типа, самый честный в мире, и вас ни за что не кинет?

Пауза, Женя подходит к Николаю, осматривает его, как будто видит в первый раз.

ЖЕНЯ. Всё не так просто, отец родной. Вот Сальвадор Дали Каменеч Куси Фаррес, маркиз де Пуболь, нарисовал молекулу ДНК за десять лет до того, как школьные отличники взяли за то же самое - “Нобелевку”, как ты думаешь, почему?

НИКОЛАЙ
Ну, и почему?

ЖЕНЯ
А вот этого не знает никто, кроме мистера Яна Гибсона, написавшем его биографию, как говорится – без приукрас. Потому что он травился, чем бы вы думали? ЭЛ – ЭС – ДЭ! ТО есть тем допингом, по сравнению с коим наши упражнения, как сказал классик “покажутся детской игрой к крысу”, пардон, я ни на кого не намекал. Но кто-то сказал, что для создания шедевра нужна атмосфера, вот мы её и создаём. Правда, Света?

СВЕТА.
Правда, Женя.

ЖЕНЯ
Вот и я говорю. У Дали была Гала, а у Паши – все мы. Готовые на всё.

МИША. Всё равно, подбить баланс, конечно надо. Если аппарат уже не мой...
/Делает несколько проигрышей на органе./ То, значит, я могу сейчас встать и уйти отсюда...

/Медленно, со скрипом, открывается дверь. Все оборачиваются./

Только не в чем. Мы так увлеклись идеей, что не заметили, как наступила зима. Какая... Терпеливая муза. Чёрт...

НИКОЛАЙ. Что-то её долго нет.

ЖЕНЯ
Музы?

НИКОЛАЙ
Да нет, его жены.
(Кивает на Пашу.)

МИША. Тебе-то что?

/НИКОЛАЙ встречается взглядом с Мишей. Пауза./

ЖЕНЯ */подходит к двери, закрывает её/*. Николай! Христофорович.

НИКОЛАЙ. Как? Христофорович?

ЖЕНЯ. Не в этом дело. Если уж ты так привязан душой к однокласснице, то дай нам всем взаймы.

МИША */Жене/*. Ты думаешь, что говоришь?

ЖЕНЯ. Я всегда думаю, что говорю, не смотря на всё своё сугубо внешнее рас(ПИСК)дяйство.

СВЕТА

И сугубо внутреннее.

ЖЕНЯ.

Разумеется. */Николаю./* Спасай нас, Николая, один такой спас Французскую республику?

МИША.

Кто, Робеспьер?

ЖЕНЯ

Не совсем, но почти что угадал – с некоторой исторической разницей – и там, и там - “год девяносто третий, с плеч долой, так вам и надо за тройную ложь – Свободы, Равенства, и Братства”. А то мы, действительно так увлеклись, что незаметно все оказались в клетке. Ключ от двери */показывает на дверь/* в лапах тирана.

/Входит МАРИНА, отряхивается, долго пытается закрыть дверь, в конце концов, что-то закладывает. ЖЕНЯ подходит вплотную к Николаю, похлопывает газетой по бедру./

ЖЕНЯ.

Понимаете ли, милейший... */Берёт Николая под руку, прогуливает по избе./* Тут достаточно сложная ситуация. Вникните: при данном вами согласии и при благоприятных обстоятельствах, вы можете всех нас... Спасти! То есть перекинуть через эту... «Белую стену». */Показывает Николаю на заголовок./* Положение наше в финансовом отношении... не аховое, будем смотреть правде в глаза. Вы же сами слышите, любезнейший, что настоения царят в бараке. Уже

ни для кого не секрет, что в последний раз наш горячо любимый Мишель заложил последнее, что у него осталось, кроме нижнего белья, - музыку свою, причем – по собственной инициативе, никто у него ничего не просил, но он честный человек, и остаётся без последних трусов с гордо поднятой башкой – он, типа чист, вместе со своей совестью, можно начинать жизнь сначала.

НИКОЛАЙ

Ну, и пусть начинает.

ЖЕНЯ

Подъёмные, Николая!

МИША. Прекрати.

ЖЕНЯ. Далее! Наш глубокоуважаемый Паша уже дошёл до того, что ради мнимой свободы, которая ему всё равно ничего не даёт, кроме проблем с жильём, которого у него тоже уже нет... */Смотрит на Николая./* Вы об этом не знали, милейший? Впрочем, как сказал принц, и вовсе не Сиддрхарх, честному человеку нечего скрывать, раз уж все живут одной дружной семьёй.

МИША

А что за принц?

ЖЕНЯ

Пол-Пот, темнота.

МИША

Ого, Моцарт и Сальери.

ЖЕНЯ

Кстати, ещё не доказал, что Сольери отравил Моцарта, это с лёгкой руки Гения мы питаемся этим мифом, а Гений-то, кстати, изрядно упростил русский поэтический язык – убрал, знаете ли, эту Барковско-Сумароковскую пышность.

ПАША. Поэт, ты бредишь.

ЖЕНЯ. Нет, па-а-прашу! Вы сами начали грузить сегодня голову. Так вот, Николая, Павло-то был готов распроститься с дублёнкой своей... */Вытирает воображаемые слёзы./* Безумно любимой... Но мы-то, кто в семье, знаем, что она ходит в ней круглый год, спит и ест...

МАРИНА */снимает валенки и ставит их на печь./* Чего?! */Паше./* А вот это ты видел? */Показывает кукиш./* Малюй лошадей! И очень шустро! Я подожду. */Садится и глубоко запахивается в дублёнку./*

ЖЕНЯ. Так что если у вас, дорогой Христофорович... Найдётся на депоненте тышшонок... так двенадцать!

ПАША. Почему двенадцать?

ЖЕНЯ.

Потому что я суеверный: изображение алхимического дерева, на котором 12 ветвей символизировали 12 стадий "Великого Делания" - приготовления философского камня, висело у меня над кроватью.

Ну, и дальше, по мере своего развития невеста знаменитого лейтенанта Петра Петровича Шмидта, других инициалов не помню, Зинаида Ризберг убеждалась в бесконечной магии этого числа, ибо 12-го мая неизвестного года она сознательно лишилась девственности, и 12-го же ноября 1905 года морской министр Бирюлев получил телеграмму от главного командира черноморского флота, вице-адмирала Чухнина о том, что

"...матросы овладели дивизией и положением дела...";

а месяцем раньше она получила письмо от лейтенанта Шмидта датированное 12-м октября, в котором Петр Петрович в первый и последний раз в жизни назвал ее ласковым словом "умница".

"...Вы умница, Зинаида Ивановна, - писалось в этом любовном послании. - Добрая, хорошая умница!"

СВЕТА

Ну, б(ПИСК)ля, и память. А свиду – наркоман, голь перекатная.

ЖЕНЯ. Да ладно, киса, не наезжай, просто у меня феноменальная память не на то, что надо – вот денег я считать не могу – всё равно нету ни хрена. А вот двенадцать: Божественное число Раймонда Луллия... То наша коалиция жаждущих свободы художников нижайше просила бы вас... нас... Нам! Их одолжить.

МАРИНА. Ну и мразь же ты, Женечка!

ЖЕНЯ /с искренним удивлением/. Это ещё почему?

МАРИНА. Потому, что вот сейчас сюда явится ОН, и ты поскачешь, как козёл по избе. И стихи начнёшь сочинять! Ублюдок. Я ему всё скажу... Посмотрю, как ты тогда «задекламируешь».

СВЕТА. А на кой чёрт вам эти тышши? Давайте лучше купим... Мерседес.

МИША. Чего?

СВЕТА. Визуальное изображение, вот чего. Я ещё в школе училась, в классе восьмом, только трахаться начала, и всё думала: а подсунь в восемнадцатом

веке электричество, со всеми вытекающими последствиями, занимались бы они совей охотой?

ЖЕНЯ. У них были крепостные крестьянки. Бани. Сарай. Стога. Гектары земли. Дотации.

НИКОЛАЙ. Ведь ОН... Может и не появиться.

/Пауза./

МАРИНА. То есть... Как?

НИКОЛАЙ. Почитайте в газетке, что сейчас творится. Перетряхивают всех подряд. И в поездах, и в самолётах.

ЖЕНЯ

Ну, наш-то не такой, как все, у него четвёрка белых лошадей в золотой колеснице, и ваще, не очень он похож на человека, которого можно остановить, какой-то стандартной, во всяком случае, метЁдой.

МАРИНА. А! */Прикрывает рот рукой./* А ведь, и правда... Могут.

МИША *(с оттенком трудно скрываемого удовлетворения)*. В этом мире нет ничего несбыточного, позвольте, я тоже блесну эрудицией.

МАРИНА. Все вы... */Паше./* И ты... Все вы его ненавидите. Потому что он...

МИША

Ну, ну?

МАРИНА

Тот, кто может – всё!

А вас... Вас ему просто жалко.

МИША

Что ж, может быть и так.

(Делает несколько трагических проигрышей на органе.)

МАРИНА */орёт/*. Не важно, что может быть, что нет! *(Свете.)* А ты... На хрена ты его сюда привела?! */Тычет пальцем в сторону Николая./*

СВЕТА. Ага, а жрать на что?

МИША */Свете/*. Да ладно, этот парень — тот же конь. */Кивает на Николая./* На случай отхода. Правда, деточка?

НИКОЛАЙ */Мише/*. Чего?

МИША */берёт в руки кочергу/*. А в чём дело?

/СВЕТА с нескрываемым интересом наблюдает за Мишей и Николаем./

ЖЕНЯ. Эй, брек! Давайте всё же подождём.

МАРИНА. Все вы только этого и ждёте! Конечно, всё решится разом! Да нужны вы ему сто лет!

Гении! Ему вас жалко, а вы только и хотите... Чтобы его сцапали... Эх вы...

/Все, кроме Николая и Паши, начинают смеяться. НИКОЛАЙ с довольно глупым видом оглядывается. ПАША смотрит перед собой./

ЖЕНЯ. Ой, нет... Всё, я больше не могу, девчонки меня добьют сегодня. Эта собирается зимой за клюквой, эта рассказывает о жалости ЕГО... К нам. Вот упряжку он свою жалеет, но не нас, и, думаю, человечество во всём его едином целом.

СВЕТА

Ни хрена, баб он любит.

ЖЕНЯ

Ну да. Это благодаря ЕМУ немцы бабу переизбрали канцлером, не ведают, в натуре, что творят.

МИША

Кто это – они?

ЖЕНЯ

Немцы. Арии – это же немцы, по моему. Основной славянин двадцатого столетия – некий Штирлиц, был самым истинным арийцем.

МИША.

Да уж. Это вам не с “Гинденбургом - вперёд!!!”

СВЕТА. Вот бы меня выбрали... кем-нибудь! А потом – переизбрали.

ЖЕНЯ. Да такое уже было, где-то в Центральной-то Америке. Шлюха была избрана народом.

СВЕТА. Ох, я бы пересажала всех таких трепачей, вроде тебя, ЭфгЭний.

ЖЕНЯ. Я-то тут при чём?

СВЕТА. На кол! В этом доме есть мужики?

ЖЕНЯ */сквозь смех/*. А что, есть что-нибудь? Этакое?

СВЕТА. Вот тогда и шиш тебе! Припрёшься ещё раз за заначкой.

ЖЕНЯ. И только за ней. Вон одноклассник вздыхает. Он был у нас один, пока всемирная паутина не утилизировала всё, что только можно. Даже поэзию.

СВЕТА */вскакивает/*. За кого ты меня принимаешь?

МАРИНА. За ту, кто ты есть. Зверуха ты... С вечной течкой.

НИКОЛАЙ */Паше/*. Как это ты её не прихерачил до сих пор? Я поражаюсь.

ПАША. Не твоё дело.

ЖЕНЯ *(Паше)*.

Да? А может – ты - гений, потому и до такой степени мягок. Ты виновен лишь в том, что есть опоределённый критерий гения – ты либо он и есть, либо его бузумный двойник.

Вот у Ван Гога – портрет художника без бороды, автопортрет, который он написал “ на дурке”, и который санитары, которые во всех странах и континетах похожи друга друга, едва не спустили в очко: смотри не упади, друг мой: семьдесят два (72) млн. баксов, отчего это потомки ныне так оценили его сумасшествие, хотя при жизни о продал всего лишь пару картин - именно его?! А Андрей Белый в 13-м году сказал два слова “атомная бомба”?! Его что, кто-нибудь признал гением? И Толстой, и Моцарт говорили – что их творения являлись им против воли! Ну, скажи наконец – тот небесный Скакун, которого от тебя ждут, ты выдашь его, наконец?!

НИКОЛАЙ. А чего вы его не сфоткаете? Он же приезжает на лошадях, - то верхами, то в салазках, ну, так купите фотик, и срисуйте, я ж ради такого дела и аппарат куплю, да можно снять и на телефон. Что, я опять что-то не то говорю?

Пауза.

МИША.

А дело говорит. (Николаю.) Наш младший брат по разуму.

НИКОЛАЙ

Слышь, ты, выбирай слова.

МАРИНА

А с какой стати он должен выбрать слова? Тебя сюда звали? Нет! Так уматывай! Чего тебе здесь надо? Кто тебя сюда звал? Зверушка эта? Уматывай со зверушкой...

НИКОЛАЙ */медленно замахивается и бьёт Марину по лицу./* Сука...

МАРИНА */пятится, держась обеими руками за лицо, обходя всех по очереди безумным взором/.* Всё, ребята, всё... **КОНЕЦ!** Это был наш конец. Скажите спасибо этому ублюдку... */Показывает на Николая./* И ты, и ты... Все. Все! */Паше./* И ты! Благоверный, тоже будешь сидеть. Сейчас это быстро. Весь этот ваш дом творчества... Уединитесь.

НИКОЛАЙ. Скажи ещё хоть слово... Скажи, и я убью тебя.

/Пауза. ПАША наблюдает за происходящим широко открытыми глазами./

МАРИНА */Паше/.* Ну что же ты молчишь? Ведь эта мррразь... Сейчас убьёт твою жену... Которую ты якобы любишь? И тебе наплевать?

/СВЕТА начинает хохотать так неожиданно, что, кажется, уже привыкшие к её фокусам обитатели дома в замешательстве./

СВЕТА */сквозь смех/.* Поверила! И я поверила, Колёк!

Но весь ужас — в том, что как-то, во время сеанса этого вашего грёбаного гипноза, я поверила в себя — вчерашнюю, а нынешнюю — нет, и, глядя на ваши унылые рожи, мне становится тошно, от того, что я есть на белом свете, - на одном гектаре с вами, господа артисты, х(ПИСК)уисты, писсемисты, ононисты, пи(ПИСК)дарасы...

ЖЕНЯ.

Хватит, деточка, уймись, внуши себе, что ты – в своём прекрасном будущем – гораздо лучше, чем сейчас. Беда в том, что ровно через два года, согласно повериям Майя, нас накроет тот самый «Голубой метеорит», который воспели наши отцы из «союзмультифильма» в «Весёлой Карусели», а ведь больше всего на свете дивлюсь прозорливости наших, б(ПИСК)ля, мультипликаторов. Я вот точно знаю, - сейчас говорю текст, который уже был когда-то опубликован, потому меня уже давно забыли, а потом — я выхожу, и говорю всем — смотрите, братья и сестры! Я вернулся, я многое понял в этом мире, порой я бывал в такой жопе, что темней бывало только что у нынешнего президента Штатов — и то, в каком мире мы жили тогда, и кто мы — в сейчас, меня, лично с прошлым и будущим связывает только она. Моя любовь. Моя марихуана. Это называется – рекрутировать аудиторию, только – через чувство.

Становится на колени перед Светой, она берёт его за голову и начинает тихо

плакать...

СВЕТА

Милый мой, тебя просто кто-то сглазил. Какая-то твоя бл(ПИСК)ядь закопала твою фотографию на твоей будущей могиле.

ЖЕНЯ Я знаю, любовь моя. Потому что Смерть позвонила мне, и сказала — тебе конец, дружок.

Но я, б(ПИСК)ля, выкрутился, ведь я ж автор, а не персонаж, но персонаж пусть скачет, пусть порой, по сцене — говорят Царь Иоанн Грозный вместо себя посадил на год какого-то татарчёнка на трон, потому что ему предсказали – в этот день тебе “кердык”, татарчонка грохнули, а он- вернулся, вот и думай, ангел мой небесный, неусыпно за тобой следят боги, или нет, - если можно обмануть собственный гороскоп, - это что, ответ на вопрос – любая ошибка о Бога, или нет? Мусульмане же думают, что ночью можно жрать свинину, потому как спит Аллах? Это не хамство в отношении небес, и у них же — смарть от любви — воинский подвиг, разве не самая романтическая доктрина? А? Вы что ж думаете, какая-нибудь умственная деятельность – это действительная гарантия от глупости? Как вы думаете?! А может – это магия, как и любое искусство – как Светка говорит, того не ведая: визуальное, или, музыкальное?

МАРИНА

Так, стоп друзья мои, здесь пахнет анашой.

СВЕТА

Да, представь себе, у нас тут — отношения с подтекстом, а ты — просто дура.

ЖЕНЯ, Э, деточка — это текст противоборствующей стороны — Дона Хуана, а я не Дон Хуан. Но я хотя бы знаю себе цену.

СВЕТА

Точно?

ЖЕНЯ

Б(ПИСК)ля буду, мама.

СВЕТА

Покажи бабло.

ЖЕНЯ

Ты знаешь, дорогая, я не играю в это говно. Я повелеваю пространством, я здесь торчу, потому что мне холодно на улице, всё, абзац.

МИША

Играем?

СВЕТА

(входит в раж).

Да!!!

Я сейчас вам придумаю игру, не то что этот сраный покер.

И вот например, моя вчерашняя, допустим, физиономия — покажет мне меня же — нынешнюю, здесь, тьфу, ненавижу вас. Ненавижу вас, ненавижу.

(Николаю.)

Можешь сказать – сейчас! Но только сейчас... И я напялю красный пиджак и ожурные чулки, где основной узор - “Весёлый Роджер”, я сама их ткала.

Слышишь, сволочь? Всё, что есть ещё в моей драной сумке... Только сострой ещё раз... Такое злодейское... Лицо... */Неожиданно перестаёт хохотать и закрывает лицо руками./* Кошмар!

ЖЕНЯ */Мише/*. Неприятно, правда?

МИША. Мне всё равно, Женя. Я легко принесу любую жертву, лишь бы всё это побыстрее кончилось.

ЖЕНЯ

Что, и жизнь, и слёзы, и любовь? И, как в поэзии Чичибабина? “Прими меня в объятия, мать смерть?” Не жалко?

МИША

Чего, этой жизни? Нет.

ЖЕНЯ

А чего ты здесь ваще торчишь: ладно я, старый наркоман, и со школы шлындаюсь по шлюхам, а ты, Михуил Батькович, чего-то вдруг – сорвался в грех?

А Босх? Всё это дерьмо – когда тебя заглатывает оху(ПИСК)евшая жаба, и так будет всегда – потому, что даже мысли о том, что ты повелеваешь смертью – смертный грех, - не сс(ПИСК)ышь, когда страшно?

МИША.

Нет. Меня выведет мимо всего этого дерьма – прямо наверх – моя струна. На басу их – соль – ре – ля – ми. Вот она – пятая, и я храню её в тайне, как имя Бога.

ЖЕНЯ

Какого?

МИША

Своего.

ЖЕНЯ

Так ты, братец. Атеист?

СВЕТА

А я всё слышала!!! Всё, суки!!! Вы там чего-то у кого-то с(ПИСК)дили, и не хотите отдавать!

ЖЕНЯ

Хорошо хоть не блюёт.

МИША

Да ладно, наша жизнь по сравнению с еЁнной – ваще сплошной кошмар – как бывшая рублёвая купюра.

ЖЕНЯ. Хорошо сказал (Записывает.) Извините, мэстро, это клише я у вас скоммуниздию, поскольку на рубле был Ленин.

МИША.

Да нет, на «трёшке».

Смеются, обнимаются.

МИША.

Фух. Ухайдокали меня эти постоянные скандалы.

СВЕТА *(убирает с лица ладони и дует на волосы, на него нависшие/. Тише же...*

МИША. Что ещё?

СВЕТА. Кто-то идёт...

МАРИНА */оборачивается к двери и прислушивается/. Не слышу... А! Слышу. Кто-то идёт... ОН?*

НИКОЛАЙ. Ага, Пророк Муххамэд.

ЖЕНЯ

Смотри не сглазь. А то в Кизляре родился ребёнок, у которого на коже выступает арабская вязь – на арабском.

НИКОЛАЙ

Ну, и что там?

МИША

Я емь.

ЖЕНЯ

Не кощунствуй, Моцарт.

МАРИНА */Жене/*. Что скажем?

ЖЕНЯ. Как что?! “Йа, йа, Кемска Волость!!!”. Сколько можно?
Самодеятельность. Как всегда.

МАРИНА. Какая самодеятельность?

ЖЕНЯ. Школьная, б(ПИСК)ля.

КОНЕЦ ПЕРВОГО АКТА.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

“МИРАЖ”

С Ночных Небес, по Млечному Пути, рассеивая Звезды, рождая Кометы, слетает изумрудная колесница, ведомая четвёркой огнедышащих белых коней.

ОН */из-за двери/*. Гей, ребята! Есть кто живой?

МАРИНА Это... ОН.

СВЕТА */с неожиданной лёгкостью срывается с места и вылетает за дверь/*.
ОН!!!

Входит ОН, на шее у НЕГО висит СВЕТА. Одной рукой ОН обнимает её, другой на некотором удалении держит спортивную сумку, в виде солдатского вещевого мешка.

ОН. Привет честной компании!

МАРИНА */бледнеет, машет себе перед лицом рукой, Паше/*. Ты... Дай мне чего-нибудь.

ПАША. Воды?

МАРИНА. Ну конечно, разве здесь есть что-нибудь кроме воды... (Ему.)

Привет, привет.

ОН. Привет, лапуля.

/Целуются./

Слава творческой интеллигенции! Куда это Паша побежал? От меня, что ли?

МИША */здоровается с НИМ за руку/*. Маринке плохо стало. От счастья.
Здравствуй.

ЖЕНЯ */выдержав театральную паузу./* ОН... ОН! Нет, вы видите, долбоптицы вы такие, жабы вы толстокожие...

ОН. А сам-то!

ЖЕНЯ. Да и я... Я человек конченный, как тут выразилась одна из присутствующих здесь дам, сославшись на Фёдора Михалыча, так что обо мне... Приехал...

/Обнимаются, похлопывают друг друга по спине: это тянется довольно долго. ОН виновато оглядывается./

Ангел-хранитель... В нашу обитель...

ОН.
Приветствую тебя, Поэт.

ЖЕНЯ
И я, и я, и я. Позволь принять твой акушерский саквояж.

ОН (Мише).
Приветствую тебя, Властитель Струн.

МИША
Здравствуй, рад. Очень рад.

ОН. Мишель, а знаешь, как Рихарду пришёл “Полёт Валькирии”?

МИША.
Конечно, нет. И как же? Он умирал на поле брани, и они прилетели?

ОН.
Ну, конечно, а потом на ту же самую метлу присел и Фрэнсис Форд, - вот вам и вертолётная атака в “Апокалипсисе”.

ЖЕНЯ.
Нашего времени.

ОН.
Что?

ЖЕНЯ.
Я говорю – “Наше время, наше время”, - сказали семеро чертей, посвешивши хвосты, с ветвей Далианской оливы.

ОН.
Не преребивай меня, Великий...

ЖЕНЯ
Поэт?

ОН
Почти что – Мастурбатор.

ЖЕНЯ.
Это – не я, это – Святые Старики так записали.

ОН
Ну, так это было давно, в нынешнем содоме вы не найдёте праведников, друзья мои. Праведник – это тот, кто никого не убивает, не так ли, но ведь вы постоянно умерщвляете друг друга – просто более изощрёнными способами. Сильный щемит слабого, и от пола это не зависит, а вот скажите мне, элита Мельпомены: Гамилькар - воин, генерал, герой зажавшегося Карфагена, когда взял клятву с девятилетнего Ганнибала, что тот будет всю жизнь убивать римлян, - он грешник?

МАРИНА
Да!

Пауза.

ОН
Это смотря, что у вас в сарае трактуется грехом, у всех своя правда, в ладу с собой лишь Ангелы, они, знатоки глаголят: все, как один, гермофродиты, и белые. И чёрные, и те, кто парит посередине – американские крючкотворы посмели издать о них энциклопедию и употребить столь резкий термин там, где не могут – видеть и понять, хоть и твердят о Хранителе; но вот вам то, о чём вы наверняка ЕЩЁ не знаете, а может быть – УЖЕ: Ганнибал, лучший стратег всех времён и народов: когда на его след вышли свои же, соотечественники,

благодарный, так сказать, народ, которому легче было откупиться, нежели воевать, выпил чашу с героином, - замечаете? Человек, который в земной жизни знал любую боль и славу, полководец, который перед воротами Рима выставил на аукцион его банковские дома, сказал тем, кто предложил ему выбор, которого нет и никогда не было: “Дайте мне напиться, я устал”. Видите? Не стал вскрывать себе брюхо по этому идиотскому обычаю самураев, да ещё просить ближайшего «сен пая» отсечь себе башку (какой цинизм — травмировать чужую психику), а ушёл к праотцам, как говорят бабы после нежелательного секса, получив удовольствие.

МИША.

Может, друга рядом не было.

ОН Что — что?

ЖЕНЯ

Он сказал: того самого сна, от которого надо бы проснуться.

ОН

Да, но эта реплика Шопенгауэра – зарегистрирована, еврей об этом позаботился, а карфагенянин – нет.

МАРИНА.

(с явным волнением). А ты... откуда знаешь?

ОН

О чём?

МАРИНА

О том, что там сказал пред смертью... Ганнибал?

ОН

Слышал. И Сципиона, и его сената, когда он там паниковал, и называл их варварами, ну, для макаронников – варвары все, так было до тех пор, пока их не ассимилировали...

ЖЕНЯ

Немцы?

ОН

Скорее турки, но это – совсем другая история.
(Марине.) Что, деточка, не веришь?

Пауза.

МАРИНА
Отчего же. Верю.

ОН
Да, кстати, и сокроментальное “не верю” сказал не Станиславский, а Щепкин, книжки надо читать.

ЖЕНЯ.
А когда нам, благодетель? Мы в процессе, к тому же экономим электричество.

Пауза.

ОН.
Как? Благодетель? Ну, ладно, пора оправдывать надежды.

Народ оживает.

Ну что, друзья мои, вы намерены нынче сотворить нечто такое, чтобы оставило воспоминание о себе?

МИША.
Для кого?

ОН.
Для тех, кто придёт после вас, друзья мои.

МИША.
А если их не будет?

ОН
Кто-то обязательно придёт, так что надо выдать нечто такое, что было бы, как изваяние на Марсе, со слезами из пустых вежд.

ЖЕНЯ
Неуж-то бедным марсианам так было страшно умирать?

ОН.
Они не умерли, они покинули планету.
Ибо осознали, что умрут, если не уйдут. Так сказать – исчезнут. Во всяком случае – из привычного, материального измерения.

ЖЕНЯ
Как Майя?

ОН

Как Иллюзия.

Вы снитесь, то одному, то двадцать первому, который сам – есть три семёрки.

ЖЕНЯ

Ну, и кому лучше живётся? Им, или нам?

ОН

А “мы”-то – кто? Кто летает по космосу с этой, прекрасной голубой планетой, конечно, живут поинтересней: здесь даже в удавке разряжаются семенем.

СВЕТА

Потом расцветают фиалки!

Интересно, а как жить круче – в теле, или без него?

ЖЕНЯ

Это, Светочка, в зависимости от тяжести содеянных герхов. (ЕМУ.) Правильно я говорю?

ОН

Деточка, смерть – вот основное удовольствие. Переход из Времени в Пространство.

СВЕТА.

Ни хрена, в теле лучше.

ЖЕНЯ

(смеётся). Конечно, есть куда пЕхаться.

СВЕТА.

Двигаться, кретин.

Света подходит к НЕМУ, обнажает руку.

По вене.

ЖЕНЯ.

А-а...

ОН.

Что?

ЖЕНЯ.

Привёз?

ОН.

Тот самый сор, из которого растёт вся современная поэзия?

ЖЕНЯ

Ну да, позволь: назовём это не “сор”, а хотя бы “пестицид”.

ОН.

Ну, обижаешь.

ЖЕНЯ.

Я? В моём лице “мокнулись” стихотворцы.

ОН.

Мог бы и не спрашивать. Ну, ты сам подумай: рассчитывал бы я хотя бы на чашку чаю, если б примчал сюда пустой. Да и нельзя вас настолько разочаровывать: мне не простят, что я, как нынче выражаются “кошмарю” вашу трепетную Музу.

ЖЕНЯ

А может, всё-таки – Валькирию?

ОН

А ты что, воин?

МИША

А Вагнер – воин?

ОН

Был и есть – Великий Арий, он знал и слышал Космос. А сейчас? Вам бы процветать, а совестно жить, я же вижу. Впрочем, как и тогда, когда прилюдно убивали на арене. Но дело-то было добровольное. Рабы, конечно, бились – но только по окраинам.

ЖЕНЯ

У Вагнера был, как нынче говорят: “нехилый спонсор” в лице короля Людвига Баварского. Так он сам, или всё ж таки – его?

ОН

Утопили. Ни гроша за павшего, хоть он и король.

ЖЕНЯ.

Убиенный мученик, значит, практически, Антуанетта. Ну, тогда ваще. Жизнь прекрасна и удивительна. И надо её прожить так! /Толкает в плечо уставившегося на орган Мишу./ Чтобы не было потом мучительно больно...

Длинная пауза, такая, что в хорошие времена сочлась бы напряженной.

ОН

/Мише/. Как там твоя электрическая симфония? Этно – техно – рок?

МИША.

Да так... Кропаем потихоньку.

ОН.

Всё правильно. Так и надо. Сочинительство – строго индивидуальный процесс. Человечество до сих пор не знает как “сбить” ноги четвёрке лошадей, а здесь – божественные звуки. */Всем./* А вы небось решили... Что меня того?

/Изображает решётку./

ЖЕНЯ

/дурачится/. Чч-чего, т-того?

ОН.

Уже сидю. Или висю. Да или нет?

ЖЕНЯ.

Да разве найдётся во Вселенной такой Эзкабан, что б ты можно было бы туда упрятать, а?

ОН.

Для того, чтобы читать детские книжки, дотяни до пенсии, Поэт.

ЖЕНЯ

Пенсия для стихотворца – это надпись на могильном холме, а вот Джоан Роулинг – самая продуманная баба, это я вам – как профессионал говорю.

ОН.

Правильно, “представь на миг плачевну Троию”, друг Поэт: ты – зачморённый очкарик, и вдруг тебе падает, как “валентинка”, такая сила.

СВЕТА

И Гермiona.

ЖЕНЯ.

Артистка выросла. Наверное, уже не давно цел(ПИСК)ка. (Записывает, читает.)
А что? Очень даже ничего.

ОН.

А тётенька ничего не сочиняла – ей прислали сон.

СВЕТА.
Какой?

ОН.
Смерть мага так же как и его рождение – это вспышка, и новая чёрная дыра
являет имя.

СВЕТА
Мага можно убить? А тебя? (Обнимает ЕГО.)

ОН.
Конечно можно, только я ведь – мотаюсь по пространствам, магами засранным.

НИКОЛАЙ.
Может быть, покажете?

ОН.
Что тебе показать, любезный?

НИКОЛАЙ
Что там... За пространства? Ну, как это пространствами... повелевают?

ОН.
(Жене).
Ты бы записал, а то – забудешь.

ЖЕНЯ
Успею.

ОН.
А вдруг – нет?

ЖЕНЯ.
А куда он на фиг денется? */Кивает на Свету./*

СВЕТА
/вновь обнимает ЕГО/. Мишель! Вправь какую-нибудь музычку, в натуре.

МИША.
Вправляю! */Жмёт на кнопку, звучит этно-техно - марш./*

СВЕТА.
Ну, не то!

ЖЕНЯ.

То, киса! Как раз то.

СВЕТА

/смотрит в упор в глаза ЕМУ/.

Н-н-у-у-у? Поцелуй меня. Только...Ну, сам понимаешь. */Устраивается в его объятиях поудобнее, закрывает глаза, приоткрывает рот. Пауза./*

ОН

/чувствует на себе взгляд Марины/.

Не сейчас, киса. */Осторожно отстраняет Свету, Марина, кажется, готовится занять её место, но ОН идёт навстречу Паше, который выходит из задней комнаты со стаканом воды./* Я вас приветствую.

ПАША

/явно смущён/.

Здравствуй. Всё в порядке?

ОН

/с оттенком раздражения оглядывается, Миша выключает музыку/. Что?

ПАША.

Ну... Всё нормально?

ОН.

О, да.

МАРИНА

(пытается изобразить какое-то танцевальное “ПА”, у неё это неважно получается, и она едва не падает).

Ну, я пойду, сварганю бутерброд.

ЖЕНЯ.

Валяй, тётенька! (Мише.) Чёрт возьми! Смотрю я на эту “Мисс – прошлое тысячелетие”, и мне становится на душе хорошо. А тебе?

МИША.

Не совсем. Хочется блевать.

ЖЕНЯ.

Ого! Четвёрка, как говорит наш брат и повелитель, сбита с ног.

ОН.

А кто у вас четвёртый?

ЖЕНЯ.

Так Светка же. Среди тройки рысаков – затесалась одна конкретная кобыла. Когда она танцует, форточки дрожат.

МИША

А, я думал Николай.

ЖЕНЯ.

Мы уже под двадцать первому разу трём эту тему – ХУ ИЗ ХУ, хватит, Михуил Амадеич, тебе надо прекращать убиваться поисками звуков, ни хрена ж уже не помнишь же.

МИША

/вспоминает/.

Да? Ну и что? У меня был один знакомый боксёрчик, тоже ни хрена не помнил. Ну так сам себе настукивал – по лбу, и говорил сам по себе, - не знаю, что лучше.

СВЕТА

/берёт ЕГО лицо, поворачивает его из стороны в сторону/.

Похудел... Похудел... Кони замотали?

ОН.

Люди, детка.

ЖЕНЯ.

Женщины его затискали, он и похудел.

СВЕТА

/ЕМУ/.

А! Ты, наверное, тоже начал? *(Хлопает себя “по вене”.)* Точно.

ОН

/явно теряет терпение/.

Нет, Света. Ты ошибаешься, Света. Этого я не начал. Ты же всё понимаешь. Моя любовь — это КОНИ. Я видел, как разбомбили Багдад, и как на каком-то сраном джипе, - заметь — американском джипе, - тащили под узцы скакунов Саддама, и тогда я сказал себе: всё, братцы. Я выхожу на тропу войны.

СВЕТА.

Ну, и какова она?

ОН.

Узка, как и дорога добродетели.

Я знаю племена, которые воюют в Сахаре, - неужели вы, думаете, что там народ кайфует тупее вашего? Но, каждому — своё, вот у меня – кони мои

верные.

ЖЕНЯ

(смотрит в стену).

А как же секс, Григорий? Как там у них с сексом?

ОН.

(спокойно).

Воруют друг у друга невест — но это ритуал, так что по мусарням никто никого не таскает: просто срубают голову, и всё. Я внятно выразился?

Пауза.

ЖЕНЯ

Да.

ОН.

А теперь успокойся, - “всей же моей головы, по волосочку, на память — не хватит”. Не хватает вдохновения?

ЖЕНЯ

Бывает. И сплывает.

ОН.

Я верну его тебе. Только не сгни раньше Времени.

ЖЕНИ.

А может такое быть – раньше Времени?

ОН.

Я про печку, дружище. А то одна моя знакомая палила фотки своего возлюбленного, и полыхнула – а у неё были прекрасные, рыжие волосы.

ЖЕНЯ.

А что за...

СВЕТА.

(Жене).

Так, всё, от(ПИСК)ебись от него, иди, иди, иди, готовься.

ЖЕНЯ.

Буду готов, когда ты закончишь эти свои сучьи экзерсиссы! А когда начнём?

ОН.

Я не знаю, чего вы телитесь.

СВЕТА

/ЕМУ/.

Скажи им всем, что ты приехал из-за меня. Ну?

ОН.

Да.

СВЕТА

/всем присутствующим/.

Слышали? Молитесь за меня. Дружите со мной, любите меня, лелейте меня – иначе прокляну, суки.

ЖЕНЯ

(ЕМУ).

И так каждый день.

/Хохочущая СВЕТА уходит в заднюю комнату. За ней – ЖЕНЯ./

ОН.

Сами виноваты. Ваши бабы – ваша кара. /

/Входит ПАША, несёт чайник./

ПАША.

Чай только... Не очень.

ОН.

Ну, и вылей его.

ОН

(достаёт из сумки пачку чая и банку с джемом манго/. Да, совсем вы здесь озверели, ребята. Лови! /Кидает всё это Паше, тот стоит, как стоял. Чай и джем падают у его ног. / Что же ты?

Миша перестаёт “джемить” на своих клавишных. ПАША поднимает чай и джем.

Из “задней” комнаты появляется ЖЕНЯ, держит обеими руками металлический стерилизатор напоминающий средневековый “ковчег”, застывает в нерешительности.

ОН.

Да, вы, ребята, добились того, что неудавалось до вас никому: вы остановили Время. Может, употребите разовую “форнитуру”?

ЖЕНЯ.

Ну, нет... Должны же быть какие-то традиции? А что, кто-то из нас... инфицирован?

ОН.

Почему ты меня об этом спрашиваешь?

ЖЕНЯ.

Ну ты ж... Ясновидящий.

ОН.

Ты правда, хочешь знать?

Пауза.

ЖЕНЯ.

Нет.

ОН.

Вот и не суетись, это не имеет для тебя никакого значения.

ЖЕНЯ

Почему?

ОН.

Ты справишься.

/ПАША уходит в заднюю комнату с чайником, джемом, Женя – со стирализатором, их встречает хохот Светы./

ГОЛОС СВЕТЫ.

Ну, пацаны, вы не родственники?

Появляется Марина, с подносом – там чай, хлеб, джем.

ОН.

Девочка, от чего ты плачешь?

МАРИНА */изо всех сил старается улыбнуться/. Я? Не знаю. Это не слёзы.*

ОН

Да. Сок Вселенной.

МАРИНА.

(спешно размазывает косметику по лицу).

Не знаю. Правда?

ОН.

Правда, только храни тайну. И говори не “ОЙ”, а “АХ”, хотя бы.

МАРИНА.

Ах. Тайну сохраню.

ОН забирает у Марины чашку, отходит к окну.

Из задней комнаты выходят МИША и ПАША, у одного всё тот же стерильный комплект, у другого – всё тот же чайник./

А, наконец-то, ударная группа. Паша, ты новый заварил?

ПАША.

Да, тот, который ты... */Встречается с ненавидящим взглядом Марины, прерывается./*

МИША вновь садится возле печи, подкладывает несколько дровяшек, разгребает угли кочергой. К нему подходит ЖЕНЯ.

ЖЕНЯ.

Ну, как? Поддувало функционирует?

МИША.

Да, я себе всё приготовил. */Смотрит на Женю./* Да, приготовил, чего ты?

МАРИНА

Ответь мне.

ОН.

Валяй.

МАРИНА.

Кто твои родители?

ОН.

Ничего интересного: когда маманя принца Сиддхарха, в последствии Бдящего, увидела во сне двадцать один бивень белого слона, входящие в её чрево, я правил того слона.

МАРИНА.

А что же — сам, этот, как его...

ОН.

Сиддхарх.

МАРИНА.

Ну, да.

ОН.

Когда-нибудь ты его увидишь.

МАРИНА

Когда?

ОН.

Когда умрёшь.

МАРИНА.

Отчего ж, мой повелитель, всё в этом мире так хреново устроено, что для того, что познакомиться с приличным человеком, надо будет непременно помереть?

ОН.

Ты думаешь - смерть, это самое страшное, что бывает? Просто иногда жалко вырезать красивые куски, вот действо-то и “провисает”.

МАРИНА.

Ты убьёшь меня?

ОН.

Размечталась. Скорее вы меня убьёте.

Так, ладно. Начнём, пожалуй, господа?

ЖЕНЯ, МИША, МАРИНА заметно оживляются, ОН усаживается на подконник, берёт сумку, извлекает небольшой кейс.

ОН.

Полушайте, ребятки. Я привёз вам кайф, под которым индейцы Майя играли в мяч, а после приносили в жертву капитана команды.

ЖЕНЯ.

Ого! Вот это, я понимаю, стимулятор.

ОН.

Да, как сказано в известном фильме: “по сравнению с ним любой героин покажется имбирным пивом”. Но выиграть в такой “мяч” считалось честью.

ЖЕНЯ.

Во дают америкосы. Хоть и коренные.

А это дерьмо, оно не действует на вестибулярный аппарат? Ну, я не стану умным псом Карлоса Костанеды? Или чудесным цветком Теренса Маккены?

Пауза.

ОН извлекает из “тарантиновского” кейса ампулу, однако свет исходит не из недр его, а от ампулы – чистый аквамарин.

ОН.

Осторожней, Поэт. Я бы не стал называть это “дерьмом”.

ОН роняет, а потом подхватывает ампулу, у самого пола: во время её падения аутория успеваеет маскимально напрячься, а потом – расслабиться.

ЖЕНЯ.

Фух.

МИША

(ЕМУ).

Так ты привёз смерть победителю?

ОН.

Нет, я привёз вам то, под чем они играли. Те самые людоеды и дикари, что рассчитали грядущую смену полюсов, и имели самый точный календарь.

МАРИНА

(ЕМУ).

Я поняла! Ты возрождённый потомок капитана выигравшей команды... этих, как их...

ЖЕНЯ.

Иллюзия, девушка. Майя переводится на наш склоняемый язык, как “иллюзия”.

МАРИНА.

Я не тебя спросила, наркоман.

ОН.

Нет, Марина. Я тот, кто утопил корабли Картеса, когда он отправился покорять Ацтеков. По его просьбе.

ЖЕНЯ.

Монтесумы?

ОН.

Картеса, Поэт, я вижу твои потаённые мысли.

ЖЕНЯ.

Что за мысли?

ОН.

Если бы ты был наделён властью пленить меня, одним паяльником в заднице я бы не отделался. Чего это ты стесняешься спросить?

ЖЕНЯ.

Отчего ж четвёрка, а не тройка удалая?

ОН.

Да потому что тройка — это порно с бубенцами, а мне дана четвёрка, лучшая в известных мне мирах.

ОН срывает штору, как занавесь с холста.

Художник!

Это четверо моих коней, согласно тому Знанию, что снисходит мне от отцов, они настроены, чтобы в этом лунном свете, позировать тебе.

Я не называю имён всех четверых, потому что всех имён нельзя называть никогда, но того, кого ты будешь писать, зовут Бомбей, он правит всеми, он хитёр и своенравен, но когда ему предстается “рывок” в четверть, равных ему нет.

ЖЕНЯ

В черверть?

ОН.

Не перебивай меня Поэт, твоя ассоциация ещё тоньше, чем ты думаешь, ибо она подразумевает другой мир, где гонки устраиваются на “четверть”, а оно равно расстоянию от полюса до полюса.

ЖЕНЯ

По долготе?

ОН.

По прямой, Поэт.

МАРИНА.

Четверо – и все... кони? И ни одной...

ОН.

Кобылы слишком чувственны, а я не могу быть на столько привязан. Сиддхарх видел шестьсот Полей, и там был не только Ад, - в мире, деточка, есть более

заманчивые вещи, чем секс с кобылой, у туарегов это – ритуал, но я не туарег. Путешествие бывает долгим, как мгновение - мои же кони меня не поймут.

Пауза.

ОН.

Художник! Я жду от тебя того, что люди называют Чудом. Я верю в тебя. Я верю, что нынче ты напишешь Душу Коня, моего драгоценного Бомбея.

Отдаёт Паше ампулу.

Некоторое время публика стоит в нерешительности, потом, резко сорвавшись с места, подходит МАРИНА, берёт из кейса ампулу, прижимает к груди, отходит.

ЖЕНЯ.

И она называет меня наркоманом.

МАРИНА.

А ты заткнись, заткнись, заткнись, ты ни хрена не понял, ты вообще – осел...

ЖЕНЯ

Ого. Или я идиот, или Боги взирают на нас благосклонно.

МАРИНА

Да, да, отвали, я знаю, знаю, то, чего не знаете все вы...

ЖЕНЯ.

Конечно. В твоём лоне колышется Вселенная.

МАРИНА.

Отвали, ты, кроме как языком трепать, ни на что не способен. (*Разглядывает ампулу на свет.*) Так ты говоришь – под этим кайфом победителя приносили в жертву?

ОН.

Да нет, под ним они играли в мяч – цена победы – избавление от тела. Матьерь смерть, как любит говорить один из присутствующих.

СВЕТА.

Наверное, хороший кайф, раз смерть под ним, как матерь.

Все оборачиваются. В проходе задней комнаты возникает Света. Она в коротком красном пиджаке, ниже – атрибуты соблазна.

Мишель! Вправляй мою музычку.

ЖЕНЯ

/подталкивает его/.

Давай, вправляй.

Звучит музыка, СВЕТА, двигаясь в такт музыке, подходит к НЕМУ, легко выхватывает из кейса ампулу, танцует вокруг НЕГО, посасывает её, как леденец.

Неужели ты, мужик с фантазией, пройдёшь мимо кайфа, который ты так пышно расписал?

ОН.

Легко, девочка.

СВЕТА

Отчего ж?

ОН.

Оттого ж, что я знаю счастье, вам неведомое.

СВЕТА

Почему? А рождение...

МИША

Ну, это ты не знаешь.

СВЕТА

(меняет грацию – на ритм).

А тебе – известно, что я знаю, а что – нет?! Что вы вообще, все, обо мне знаете? Я с вами, ваше, незнакома!!!

ЖЕНЯ.

Друзья! Друзья! Что-то не чувствуется сегодня в нашей обители... Искренней радости!

СВЕТА.

Наглая ложь! */Посылает ЕМУ воздушный поцелуй./*

ЖЕНЯ.

А иначе ведь нельзя! А где ж наш всегдашний безоглядный оптимизм?

МИША.

Думаю, чуть позже.

ЖЕНЯ

Но... Сначала мне надо возглавить победившую команду. Тогда уж... Я... Как говаривал Арман Луи Биро Гонте Лозен, устами Марины Ивановны Цветаевой: “До последних дней моих...”

СВЕТА

Так ты индейский поэт, ЭфГэний?

ЖЕНЯ.

“Я Бог, червь”. С другой стороны, согласно Ретлингу, и в опарышах порой простекает кровь королей, важно – кто на чём “кайфует”.

ОН.

Неважно. Важно - вена чья.

ЖЕНЯ

Всё! Меняю ремарку с «Инстинктивно морщится» на «именины сердца».

МИША

В доме, где они разбиваются.

МАРИНА.

Кто?

МИША.

Сердца.

/Ветер открывает входную дверь, на неё устремляются все взоры./

СВЕТА.

Когда-нибудь мы увидим всё это сверху... И ледяную зиму... И дым над избой... И полюбим всё это, как прошлое, без которого было нельзя... Ой, дайте “тумкнуться” скорей, и желаю принести себя в жертву, только знать, запомнить, как это было...

ЖЕНЯ.

Будет, Света. Да, со временем человечество так и не разобралось. Метафизическая, б(ПИСК)ля, тайна.

НИКОЛАЙ.

А хотите, скажу?

Долго ищет часы, находит, готовится сказать.

СВЕТА

(сквозь зубы).

Только попробуй, сволочь.

НИКОЛАЙ.

Понял, не дурак... *(Исчезает в недрах задней комнаты.)*

/Пауза. МИША закрывает дверь, шум ветра стихает./

ЖЕНЯ.

Кто ему сказал?

СВЕТА

Который час?

ЖЕНЯ.

Да нет.

Женя как будто на что-решается, подходит к НЕМУ.

ОН

/открывает перед ним кейс/.

Получай. Импровизатор.

ЖЕНЯ

/смотрит сквозь ампулу на свет/.

Почём?

ОН.

Халява.

ЖЕНЯ.

Так не бывает.

ОН.

“Есть много, друг Горацио. Что и не снилось философии твоей”, - так перевели со старого английского на “новый” русский в конце прошло века – всего на всего.

ЖЕНЯ.

Говорят, что это вовсе не Шекспир.

ОН

Правильно говорят.

ЖЕНЯ.
Могу душу...

ОН.
Что, продать?

ЖЕНЯ.
Для начала – заложить.

ОН.
Некоммерческий товар.

ЖЕНЯ.
Выходит, времена изменились.

ОН.
Да нет, просто нельзя торговать ей бесконечно. Уйди, Поэт. Не держи очередь.

*Пауза. Все, как будто слышат их разговор, умолкают.
Женя берёт ампулу, отходит в темноту.*

ЖЕНЯ
(останавливается у органа, где восседает Миша).
Хочешь мою?

МИША.
Да, ладно, до своей – пара шагов. Пропasti, б(ПИСК)ля. Дороги в бездну.

ЖЕНЯ.
Да ладно – всего лишь трамплин в преисподнюю, - там нормально, она мне снилась, от туда, кстати, можно и сбежать.

ОН
(в отличие, от женщин, слышит их разговор).
Ого.

МИША.
Изобрази-ка.

ЖЕНЯ.
Надо всего-навсего проснуться.

ОН.
Ну да.

ЖЕНЯ.

“Ты снишься мне. Холодными ночами”.

МИША.

Это ЕГО, что ли, слова? Значит, надо очнуться от его же сна, - тут и фартонёт. Правда?

ЖЕНЯ.

Ладно, бери – отдаю свою дозу. Не ссы, я не Сальери.

МИША.

Ну, а я – давно уже не Моцарт.

*Отстраняет Женю, подходит к НЕМУ.
ОН протягивает ампулу.)*

МИША.

Выслушай меня.

ОН.

Разумеется, Маэстро. Мои уши открыты. Ну?

МИША.

Мне нечем расплатиться с тобой.

ОН.

Не беспокойся об этом. Я тебе твои долги прощаю.

На другом конце сцены ПАША подходит к Марине.

ПАША.

Хочешь, я не буду?

МАРИНА.

Мне-то что.

ПАША.

Мне кажется... Я сейчас смогу.

МАРИНА.

Что ты сможешь? Рисовать без кайфа? Ни хрена. Сколько я тебя помню, тебе всегда сперва надо было чем-то замутиться, а потом уж – мулевать.

ПАША

(как бы спохватывается).

Ах, да. Но надо же когда-то начинать?

МАРИНА.

Ну, не сейчас же?

ПАША.

Почему – нет?

МАРИНА.

Потому что не дури, иди, бери свою дозу, двинемся на брудершафт, и, давай, работай.

МИША – ЕМУ, на другом конце сцены.

МИША.

Я тебе этого никогда не говорил.

ОН.

Да я понимаю: как говорил один полковник в старом советском сериале: “взбунтовался талант”. Ну здесь же не менты, и, я надеюсь ни одного настоящего артиста.

МИША.

Откуда? Откуда ты можешь это знать? */Пауза./*

ОН.

Вижу. Кое-что могу видеть и я.

МИША.

Прости... Но... я боюсь слушать джаз, потому что боюсь услышать в нём джаз! А здесь – пусто. Это всё без почвы, то, чем мы занимаемся.

ОН.

Разумеется.

МИША.

Тогда... Тогда – я не понимаю. Зачем тебе это?

ОН.

Видишь ли, дружище. Ты паникуешь не “туда”. Ваша драма не в том, что вы можете, и чего вы не можете: что до меня, то я верю в чудеса, потому что видел их – с избытком, а в том, - что вас просто некому будет оценить, - ещё немного, придёт она. “Новая Волна”. А от вас не останется даже памяти, потому что о вас просто некому будет вспомнить.

МИША

Ты это знаешь... Наверное?

ОН.

Те, кто звал себя “Иллюзией”, знали день и час.

Что до Волны: все учёные земли двести лет бьются над проблемой: по их теории волн, мой друг Маэстро, “Девятый Вал” - Волна убийца, как её называют моряки, может возникать раз в пятнадцать тысяч лет, а со спутника одна ушлая немка – засекла – одновременно – тридцать пять таких волн, они могут выбиваться из других, и забирать всю их силу – для последнего, прекрасного удара, от которого звук разлетается по Вселенной, как Музыка Сфер, высота такой волны – тридцать метров. И удар – сто тонн на метр, а ты представь волну высотой в пятьдесят километров – я пригоню свою «четвёрку», чтобы на неё взглянуть, когда придёт Апофис.

/ОН встречается глазами с Женей, который слушает их разговор./

/ПАША – Марине./

МАРИНА.

Что?! Ребёнок? Да... Да как ты мог вообще... Вообразить! Что я буду рожать от тебя – НАРКОМАНА!

ПАША.

Мы...

МАРИНА.

Нет, не мы! Со мной всё в порядке!

Николай “выныривает” из тьмы двери в “заднюю” комнату, привлекает к себе Свету.

НИКОЛАЙ

/Свете/.

Ну, а потом?

СВЕТА.

Чего тебе?

НИКОЛАЙ.

Потом мы – куда?

СВЕТА

/оглядывается, ищет глазами Женю и жестом его подзывает, переводит взгляд на Николая/.

Чего тебе?

НИКОЛАЙ.
Ну, мы же уйдём?

СВЕТА.
Куда это?

НИКОЛАЙ.
Вообще. Отсюда.

СВЕТА.
С тобой, что ли?

НИКОЛАЙ.
Со мной. А с кем же? */Оглядывается на подошедшего Женю./* Может, с ним?

СВЕТА
(Жене).
Котик, ты мне поассистируешь?

ЖЕНЯ.
Почту за честь.

НИКОЛАЙ.
Свали отсюда. Ну?!

/ЖЕНЯ, пожав плечами, отходит./

СВЕТА
/оценивающе смотрит на Николая/.
Ты ничего не перепутал?

НИКОЛАЙ.
Нет.

ПАША - МАРИНЕ

ПАША
/Марине/.
Я только недавно начал понимать... Что полюбил это состояние... Потому что ты в нём... Та, что была прежде... И я подумал – значит, это вовсе не зло? Если мы в эту минуту те, что были раньше, значит, всё нормально? Выходит, только в эти минуты... той... Фантастической жизни я могу творить? Не потому, что мне эта жизнь так дорога... А просто что-то мёртвое... На время оживает. Я

думаю, раз оживает, значит, может быть – не совсем мёртво? Ведь это ты рядом, ты, я же... Всё, что раньше имел... Это было для тебя! Без тебя всё это не имело бы никакого смысла и тогда... ты мне помогала... Ты была со мной... А сейчас... Я жду ЕГО, потому что благодаря ему... Ты опять со мной... Но если нет его... То всё моментально рушится... И восстаёт опять всё это... Что я даже не могу ненавидеть, потому что у меня просто нет на это сил... */Кивает на НЕГО./* Он... Всё это чувствует. Он знает, что я без сил, и скоро я буду ему не нужен. Сколько мы уже здесь?

Паша оглядывается на НЕГО, беседующего с Мишей, ОН моментально это замечает.

ПАША.
Слушай...

/МАРИНА кутается в дублёнку, пятится, но ПАША её удерживает./

Мне иногда кажется... Что стоит мне... Попытаться уйти... И он убьёт меня.

МАРИНА.
Чушь собачья. Тебя у-би-вать? А! Так ты ведь и так... Давно мёртв...
/МАРИНА оглядывает его страшными глазами./ Да... Ты – мертвец...

ОН – МИШЕ

ОН
/Мише/.
Ну так вот, как ты думаешь, кто может узнать, какая сила движет этими волнами, которых так боятся моряки, и тишина пред появлением которых – это совершенно особый звук – прекрасной, но гнятущей пустоты. А?

МИША.
Наверное. Киты. Это только киты могут знать.

ОН.
Кашалоты, Мишель, Великие Охотники Веленной, их души живут на Юпитере: они ныряют на немыслимую глубину, чтобы сразиться с равным противником, которого до сих пор не видел никто из людей, а потом поступить с ним наиболее гуманно: сожрать его, чего мясу пропадать. Ты готов их слышать и понять? И заодно ответить на вопрос. Который так любят задавать австралийские колдуны – самые сильные в мире: кто ты?

МИША.
Конечно, я готов.

ОН.

Так отправляйся. *(Протягивает ему ампулу.)* Не забудь спросить у них истинный смысл звуков.

Я тебе оставляю твою аппаратуру. Доволен?

МИША.

Это... Ты представляешь, что это за подарок? Я не могу его принять.

ОН.

А ты сделай усилие. Знаешь, музыкант, если бы я не столь почитал Диогена, и не был так циничен, то счёл бы себя оскорбленным.

МИША.

Я... Отдам тебе.

ОН.

Заложить душу? Отчего-то каждый человек в миру, и вне его решает, что именно его дух нетленен, и имеет какую-то сверхестественную цену.

/Вкладывает ампулу в руку Мише, встаёт, легонько отталкивает его от себя, подходит к Жене./ Вы что, боитесь его? */Кивает на Николая./*

ЖЕНЯ.

Да нет. Мне, честно говоря, наплевать. Один умный человек сказал недавно – фамилии не помню. «Наши бабы, - говорит, - наша кара.»

ОН.

Он сказал – «ваши». При чём тут ваши бабы?

ЖЕНЯ.

Всё - вокруг них, проклятых. Я в одной оккультной книжке прочитал, двух знаменитых инквизиторов: Шпенглера с Интиторисом: женщина – зло.

ОН.

Да ну? Как написано на полях другой оккультной книжки: “усраться можно”.

ЖЕНЯ

Хорошо сказано!

Я тут стишок сочинил, зацени.

ОН.

Ну, давай. Валяй.

ЖЕНЯ.

Мне тогда - абсолютно хотелось,

а теперь – абсолютно насрать.

ОН.
Всё?

ЖЕНЯ
Всё.

ОН
(хлопает в ладоши).
Великолепно. Это круче всего, что было до сих пор.

ЖЕНЯ
Ты о чём?

ОН.
О мировой поэзии.

ЖЕНЯ.
Не хочу хвалиться, но это - далеко не так.

ОН.
Гордыня уеб(ПИСК)ла.

ЖЕНЯ
Значит, не зря мне снился очищающий костёр.

ОН.
Твои сны – удел Ангелов.

ЖЕНЯ.
Почему?

ОН.
Потому что сны – их ремесло.

ЖЕНЯ.
Да? И что же происходит, скажем, с ними, скажем, после смерти?

ОН.
А ты не видел в девяносто втором, что там творилось на Юпитере?

ЖЕНЯ
Нет.

ОН.

На него приземлилась комета Шумахера-Леви.

ЖЕНЯ.

А как бы я это увидел, позволь спросить?

ОН.

Так на Земле столько абсерваторий, там, в телескопы, всё было хорошо видно. Стоило просто оторвать задницу, и полюбопытствовать, лень – матушка. Смертный грех, Поэт. Хотя, какие грехи – выбора-то нет, любая ошибка – от Бога.

ЖЕНЯ

А при чём тут...

ОН.

Так это и была – смерть Ангела.

ЖЕНЯ.

А там накрывает за чьи грехи?

ОН.

За ваши же. Люди истребили китов, а там проживают их израненные горпунами души.

ЖЕНЯ.

А что душам их – метеориты? Они ж нематериальны?

ОН

Так и у кометы – есть душа, как ты думаешь?

ЖЕНЯ

Не знаю, не думал. Комета – это же кусок льда.

ОН.

Да, но лёд – вода, значит – жизнь. Вот она сгорает, так сгорает – вода во льду. Очищающий костёр рано, или поздно приходится пройти абсолютно всем. НЕКТО поджигат всех и каждого, поигрывая своим фамильным огнём.

ЖЕНЯ.

Ну? А бедный “компилятор” белого стиха получит свою... дозволенную дозу?

ОН.

Да ладно, не наговаривай ты на себя. Ты ж не Шахрезада, кстати, лишь капитан

Ричард Бертон нормально перевёл «Тысячу и одну ночь», «Киттаб саб хаяб», как называли её рамеи. И тот — был плодом воображения Великого Слепца из Аргентины, ты этого знать не можешь. Прошу (*открывает кейс, свет о туде освещает лицо Жени*). Это — допуск на прыжок бЭз парашута, поверь мне, Поэт.

ЖЕНЯ.

Может быть, трамплина?

ОН.

Да. В преисподнюю. (*Смеётся.*)

Женя бледнеет.

А чего ты испугался? Боишься смерти? Не бойся. Возьми её, и поимей — разлей её по вене.

Подходит к Паше.

ОН.

Художник! Ты готов?

ПАША

Да... Да. Да, готов.

ОН.

Ну так бери — он перед тобой, как пели в группе “Манго” источник вдохновения.

Господа! Позвольте поприсутствовать?

СВЕТА.

Да!!! (*Подлетает к НЕМУ, запрыгивает на руки.*)

ОН.

Чего тебе?

СВЕТА.

Ты ку-да?

ОН.

Я здесь, Светик ты мой. Семицветик. Играла когда-нибудь в ромашку?

СВЕТА

Ой, стыдно признаться, но — играла.

ОН.

В каком раскладе?

СВЕТА.

Нас было четверо, как в фильмах Тарантино.

ОН.

А будут – три семёрки, уверяю тебя.

СВЕТА.

Врёшь.

ОН.

Ну, сказал.

СВЕТА.

А что за парни?

ОН.

Демоны, заказывай образы.

СВЕТА.

Единственный – твой.

ОН.

Договорились, я повторю подвиг вежливости.

СВЕТА

Ни хрена себе: дают медаль?

ОН.

Пожизненный орден – на все времена: если ты сумеешь, перед тридцатью тремя Божествами сделаться одним и тем же, дабы каждый из них смог одирить тебя своей тенью в безбрежной пустыне, то ты, считай – возрождённый Сиддхарх. Будда. Бдящий, твою мать. Отваливай.

СВЕТА

Молви, ты не демон?

ОН.

Какой же я демон, девочка, я ангел. Крылья не видать?

СВЕТА

Видать. Сейчас “вмажусь”, дашь полетать?

ОН.

Нет, детка, валькирии рождаются с крылами. Сейчас прочувствуешь свои.

СВЕТА.

Да, это как реклама чипсЕв “Лес эм Тейшн”, - попробуй чувства на вкус. Это круче, чем соитие?

ОН.

Это, как танго по Млечному пути, мы станцуем с тобой – прямо в счастье. Ничего не бойся. Вперёд.

Отходит к окну, восходит Луна, освещая его лик.

ОН.

Художник! Ты видел моего Бомбея?

ПАША.

Да.

ОН задёргивает штору.

ОН.

Теперь забудь. Пиши его по памяти.

СВЕТА

А ты?

ОН.

Посижу. Мне Поэт разрешил.

ЖЕНЯ

Да уж. Легче у Геркулеса похитить палицу чем у Гомера стих.

ОН.

Виргилий – римлянин, Поэт, такой, же, как и Данте, хоть кто-то искажал, что Данте был еврей. А они ж там все, как один – мафиозные.

МИША включает музыку, все присутствующие, кроме Гриши и Николая, выстраиваются спиной к зрительному залу. Постояв немного, одновременно с единым вздохом и стоном разбредаются, валятся на пол.

МИША садится за орган, СВЕТА, щурясь, долго ищет глазами ЕГО, садится перед ним на колени, целует./

СВЕТА.
Спасибо, малышшш...

ОН.
Иди, кайфуй.

СВЕТА.
Н-н-у-у-у...
Ты же обещал. Всё будет?

ОН.
Всё будет, Киса! Меня нет. Моё имя – НИКТО.

/СВЕТА отходит, плюхается на шкуры, принимает удобное положение./

МАРИНА
(крутится на месте).
Ой-ёй-ёй... Дайте мне быстрее куда-нибудь упасть, господи... Наконец-то...*/Оседают на пол рядом со Светой./*

ПАША, шатаясь, подходит к прислонённому к стене холсту, садится рядом с Мариной, берёт холст, наносит мазки.

МАРИНА.
Милый, если бы ты знал, какой это – розовый свет!

/МИША начинает играть на органе, ЖЕНЯ поворачивается лицом к залу./

ЖЕНЯ.
Дорогие друзья!

/Женщины обнимаются и начинают хохотать, МИША импровизирует, ПАША работает./

Сегодня нам предстоит сделать решающую попытку произвести на свет того коня, которого от нас ждут, правда, Хозяин не разрешает пририсовать ему крыла Пегаса, нет, ЕМУ нужна такая картина, у которой бы пребывала душа, а её крыла – прозрачны, как слеза эдельвейса на рассвете, когда её вдруг сорвёт Йети, дабы вознести навстречу Чистой воде, что течёт в Шамбале, и нигде больше. Пора наконец показать, на что мы способны!

*Кланяется Паше и Мише, те отвечают.
Доносится ЕГО мерные аплодисменты.*

Пора, наконец доказать человечеству, что люди, жаждущие сотворить нечто великое и бессмертное, не остановятся ни перед чем и зачастую жертвуют собой ради торжества гармонии, которой вам... не видать... не видать... нет, не было и не будет...

ОН.

Вернись на круг, Поэт!

/Простирает руки к зрительному залу./

/Действие плавно переходит в ритм замедленной съёмки, как бы наплывами; игра бликующего света окончательно смещает контуры.

ЖЕНЯ.

Люди! Оторвитесь от повседневных забот! Оглянитесь! И поймите, что на свете существует то, ради чего происходит сама жизнь! Что настала... Весна! С её волшебным, дивным, воскрешающим дыханием... Что в нас самих... Мир, согласие, любовь... И об этом... Музыка... Внемите этому восхитительному порыву.

Прекратите войны, распри, убийства! Мы мчимся... Мы неумолимо мчимся меж звёзд... Навстречу счастью, вечному, как сон...

/МИША в экстазе – его музыка вторит словам Жени.../

Гармония и красота... Единство и розовый, волшебный свет.

Мы уходим от мелких раздоров в царство своей души...

Мы забываем время первого уединения...

Нам понятно, и мы внимаем с великой радостью братства...

То, что думает каждый из нас...

О чём-то очень всем близком...

Пусть сильнее звучит музыка любви...

Пусть она даст нам сейчас то, о чём мы робко мечтали вчера...

Пусть принесёт она весну...

И жизнь начнётся снова...

С новой силой вольётся вечное движение в наши души...

Но пока, в счастливом ожидании весны...

Пусть растворятся наши души в лунном свете...

Кто-то будет ждать их там...

В тихой кладовой Луны...

И Луна покажет нам...

Удивительное моё подземелье...

Где бродят в том же ожидании много невидимых, но внимательно оглядывающих нас душ...

Они готовы принять нас...

И мы готовы к великому счастью... Стать звездой...

Исчезнуть в этом вечном урагане... Небытия... Небытия...

ЖЕНЯ умолкает, звучит музыка.

МАРИНА

/целует Пашу/.

Милый... Милый мой Художник... Ты, наверное, очень устал, отдохни... Ведь это можно сделать завтра... И завтра ты получишь свой долгожданный приз...

ЖЕНЯ

/усаживается рядом с органом/.

Да! Да! Завтра! На рассвете мы все получим приз... Но не здесь... А там!

СВЕТА

/ложится на шкуру и закрывает глаза/.

О великий Поэт! Ваши стихи вечны, словно это – сама весна, которую вы воспеваете... Я восхищена вами, я лечу вместе с вами... К лунным призракам... К розовой темноте.

ЖЕНЯ.

Я ухожу от всех земных забвений...

И предаюсь я игрищам Луны...

СВЕТА.

Как хорошо, что здесь, на Луне, - такой мягкий, белый песок!

ЖЕНЯ.

Хотите проследовать вниз?

СВЕТА.

А что там?

ЖЕНЯ.

Там замок наших душ... Они бродят по замку... они тесно... Сплотились...

/Появляется тревога в голосе./ Вокруг вечного огня... Нашей бессмертной идеи...

СВЕТА

/вновь садится, ёжится/.

Нет... Нет... Не выношу холода... Там – холодно! И я не хочу туда... Я хочу остаться здесь... Здесь горячий песок... */Начинает раздеваться, двигается в такт музыке./* Боже, как хорошо... Я гасну от счастья... Оно сейчас расплещется из меня, как из корыта...

Все, кроме НЕГО, приходят от её слов в восторг.

МАРИНА

/обнимает Свету, целует её/.

Милая моя дурочка... Что ты говоришь?

СВЕТА.

Я... Я...

Света сначала захлёбывается в мгновенной истерике, но буквально через полторы секунды во внезапном прыжке оказывается возле НЕГО, трётся, как кошка, пару раз лижет кейс.

СВЕТА.

Ты обещал... Ты обещал мне.

ОН.

Чего, детка?

СВЕТА.

Чуда!

ОН.

Ты готова?

СВЕТА

Да!!!

ОН.

Смотри туда, куда я укажу тебе!

ОН Указывает ЕЙ в зрительный зал, где свет софита падает на НЕКТО, а из пустых глазниц его светит по тонкому красному лучу.

ОН.

(Некто).

Кто ты?

НЕКТО.

Какая разница, кто я, спроси её, кто она?!

ОН двенадцать раз задаёт ЕЙ один и тот же вопрос в разных образах:

“КТО ТЫ?”

После чего ОНА валится без сил.

МАРИНА

*(до сих пор равнодушно наблюдающая за действием, накрывает её шкурой).
Ты замёрзнешь, девочка...*

МИША играет, всё увеличивая арсенал звуков дублируя общую интонацию.

ПАША

/наносит мазки на холст/.

Марина, мне не хватает красок! /Закрывает лицо руками./

Со своего места поднимается ОН, достаёт из своей сумки, как из Рога Изобилия, Пояс Шахида, проходит перед остекленевшими взорами участников спектакля к Паше, склоняется над ним, тот поднимает руки, и принимает "Пояс" на себя, загорается красное табло, включается счётчик, бликующий свет рождает на стене ЕГО огромную тень – с чёрно-белыми крылами. Потом ОН, медленно отходит, встаёт невдалеке.

МАРИНА

(глядя перед собой, как будто смотрися в зеркало).

Ну вот, и слава Богу. Умрём, пока хорошие.

ПАША

(бросается к холсту, начинает писать Коня в Священной Пляске).

Да, да хорошо... Хорошо...

Теперь я успею, успею, успею, я знаю, я вижу... я...

Паша падает навзнич, вперив глаза в потолок.

МАРИНА

/смотрит ничего не выражающими стеклянными глазами на лежащего Пашу/.

Милый... Милый мой, возлюбленный муж... Я помогу тебе... Я спасу тебя...

Только скажи мне ещё раз... Что любишь меня... Что всё это не зря... Что это не пройдёт... Что это не кончится никогда...

Миша обхватывает голову руками и падает локтями на клавишную систему органа, возникают песни сирен на фоне мелодии.

Со своего места в зрительном зале встаёт НЕКТО, правой рукой прощупывая себе путь «мечом Джадая, другой сжимает пахнущую бензином канистру, осторожно выдвигается на сцену, освещая себе путь светом из пустых глазниц.

Сначала прощупывает, к явному его неудовольствию, ЕГО, потом двигается к лежащей навзничь СВЕТЕ.

ОН

(Некто).

Э, дружище, держи нос на сени.

Из прохода в заднюю комнату появляется Николай, в костюме “охотника за привидениями”, только руках у него – огнёмёт.

Николай, увидев перед собой НЕКТО, валится в обморок.

ОН.

Слепой! Твоя муза была в костюме Курта Рассела из фильма “Нечто”.

Вот это и есть – настоящий бесконтактный стиль.

НЕКТО.

Где ОНА, я слышал ЕЁ голос, когда ты показал ЕЙ МЕНЯ, - дружище, это – беспредел.

ОН.

Перебьёшься.

Смотрит картину.

Ни хрена, Павло. Твой талант когда-нибудь оценят.

Отставляет картину.

НЕКТО – оборачивается к НЕМУ.

НЕКТО.

Ты что меня гоняешь, я слепой!

ОН.

А чего ты мне сказал, что у меня хреновая дикция, и что я должен пребывать в вечном одиночестве?

Некто выхватывает “меч Джадая”, выдвигает луч, машет ЕМУ вдоль тела, но луч проходит, не причинив ему вреда.

ОН.

Не зли меня, придурок! Я ещё пока нужен тебе: а то если слепой поведёт слепого, оба что?

НЕКТО.

Провалятся к чертям собачьим.

ОН

Точно, и их найдут (если найдут) по тлеющим бычкам, я по этой причине не езжу по РФ на мотоцикле, - никакой гарантии, что если ты едешь, то уже практически куда-то не летишь.

Знаешь, в августе Гигантская Ламинария вырастает на метр в день. И приплывают из южных тропиков молодые кашалоты, они будут пастись на Галапагосах ещё семь лет, а потом вернуться в тропики – на оргию. Я как-то видел, как поют Битлы – пока эта японская шлюха не сломала всю игру. Ни в прошлом, ни в будущем, - в мире не случилось времён, когда у ангелов были белые крылья.

НЕКТО.

А сейчас – какие?

ОН

Разные, дружище.

НЕКТО.

У всех?

ОН.

У ангелов. На земле есть убежище для всех – то же и с керосином, которым ты так картинно себя поливал, пытаюсь разжалобить богов своими песнями о несчастной любви. Нефть, видишь ли, бывает разного происхождения.

У всех. Сверху до низу. Рассуждая языком геологов — органическая и не очень. Мы думаем с любовью, и затеваем игру, чтоб отомстить и уничтожить – а законы Святой Веры, и самой чёрной магии, ругаешь – помогаешь, любишь – убиваешь, какого ж цвета у меня крыла?

НЕКТО.

Я слепой.

ОН.

А где же чувства? Смотри сердцем, и спались с очищенной душой, ты сам поклялся и восславил Срок.

А крылья – тогда они были палевые, - последний раз были такими, когда Рамзес Второй приходил на Калхидские Земли.

НЕКТО.

А сейчас?

(Шарит красными лучами.)

ОН.

Я ж сказал.

НЕКТО.

А какое правое?

ОН.

Наверху – правое, внизу – левое, так что – всё равно, что добро, что зло – оно, видишь ли, находится в зеркальном отражении. Иллюзия, паренёк.

Не бойся, я буду молчать, что ты посмел позариться на бабу. Вдобавок не свою. Вот, кстати, без последнего ока и остался. Прощай.

НЕКТО.

Она видела меня?

ОН.

Да, но она решит, что ты, дружок – галлюцинация, и ни на миг не ошибётся.

НЕКТО.

Прощай.

Наконец-то фитиль огнемёта попадет на керосин, поджигает НЕКТО, тот воспламеняется, сгорает. ОН, подумав, взмахнув Крылом, рассеивает пепел НЕКТО.

ОН

(Паше).

Встань, Художник. Ты написал свою картину.

ОН берёт Художника за руку, они восходят в светлый проход. ОН и ХУДОЖНИК исчезают в нём, звучит взрыв, озаряя Пространство Новой Вспышкой, после чего Дом медленно погружается в ночь, а где-то на небе слышны Вселенские Вихри, возбуждаемые уносящейся в даль четвёркой белых коней.

Все, кто остался во Взлетевшем Доме, пребывают с открытыми, ничего не выражающими глазами, в разнообразных и нелепых позах.

Настаёт утро, врывается яркий утренний свет. НИКОЛАЙ вскакивает, на мгновение слепнет, шурясь, ищет глазами СВЕТУ, хватая её за руку и вытаскивает из груди людских тел. Та, почти голая, вяло сопротивляется и что-то мычит. НИКОЛАЙ опускается перед ней на колени, бьёт по щекам, но тщетно. Подбегает к Марине, грубо стаскивает с неё дублёрку, втискивает в неё Свету, вновь хлещет её по щекам./

Очнись... Очнись, ты слышишь меня? Очнись, сука!!!

СВЕТА.

Пусти...Ой, погоди. Пусти же меня...Пусти...

НИКОЛАЙ пьтится от Светы, подбегает к последней картине Паши, срывает её, ищет, во что завернуть, некоторое время выбирает между картиной и Светой.

НИКОЛАЙ.

А, чёрт!!!

Долго возится с огнемётom, наконец, зажигает, но вспыхивает холст, Николай едва не загорается сам, он с воплями выливает на себя ведро воды. Николай завывает в потолок, некоторое время пытается высадить дверь, но она не открывается, разбивает стекло, раздирая кожу, выходит в окно.

Женя осмысливает собственный взор, видит догорающий холст.

ЖЕНЯ.

Значит – не показалось...

Начинает шевелиться Света, со стоном протирая глаза.

СВЕТА.

О-о-о...Что это было? /Во взгляде появляется отдалённый намёк на разум./
Что-то взрывалось...Что-то горело. /Кутается в дублёнку./

В себя приходит Марина.

МАРИНА

Дайте... Дайте воды...

ЖЕНЯ.

Посмотри на Пашу.

МАРИНА.

О-о-о...Зачем?

ЖЕНЯ.

Потому что – его нет.

Поднимает голову МИША, некоторое время тупо смотрит на орган, нажимает на кнопку – всякие звуки прекращаются.

МИША

/Марине/.

Что-то мало...народу. Как это Паши – нет. А где он?

МАРИНА

(смотрит на то место, где она в последний раз видела Пашу, гладит его прозрачный силуэт).

Нет, он умер.

Марина начинает терзаеть воздух вокруг себя, тормозит несуществующего мужа. Миша, Мишенька, смотри сюда: он умер, умер, умер... (Паше.) Сволочь, ты что – бросаешь меня?!

МИША.

Он, кажется, попросил ещё.

МАРИНА.

Ему хватило... Что это?

МИША.

А?

МАРИНА.

Ветер...

МИША хватается руками за голову, падает локтями на клавиши, раздаётся звук, полностью дублирующий стон Марины...Распахивается дверь, впуская яркий дневной свет...ЖЕНЯ, МИША и МАРИНА заслоняют лица...

Возможно – это ветер...

8 925 093 72 91

8 499 752 24 81

DELL-VASILEVSKY yandex.ru